

Мир Фантастики

Литературное приложение

Специальный выпуск

№6, июль 2011

Содержание

1 место Наталья Васильева	
«Камень в форме сердца»	4
2 место Лев Власенко	
«Цветы Мананнана»	12
3 место Дмитрий Троллев	
«Право на подвиг»	21
Олег Давыдов	
«К мечте на всех парах»	32
Демьян	
«Трах-тибидох»	43
Татьяна Россоньери	
«Во имя бессмертия»	52
Как прислать рассказ	60
Над выпуском работали	61

Предисловие

В этом выпуске «Литературного приложения «МФ» мы решили временно отойти от привычного формата. Отступления ждут вас во всём: больше рассказов, другой художник, другой составитель; вместо одного «рассказа номера» — тройка лучших среди лучших.

На этот раз поводом, собравшим под одной обложкой произведения молодых писателей, стал конкурс сетевого портала «Литкреатив». Шесть рассказов были отобраны профессиональным жюри, состоящим из знаменитых писателей-фантастов. А мы предлагаем вам просто ознакомиться с лучшими, по мнению таких мэтров, как Сергей Лукьяненко и Ник Перумов, произведениями конкурса.

Кроме того, «Мир фантастики» совместно с порталом «Литкреатив» недавно запустил новый конкурс — «Проект 100». Присылайте рассказы любых жанров — твёрдой НФ, фэнтези, мистики, магического реализма, стимпанка — главной темой которых будет число 100, на ящик 100@mirf.ru. Пятёрка лучших будет опубликована на диске **сотого номера «МФ»** (декабрь 2011), а автор лучшего из лучших увидит свой рассказ на страницах «МФ». Подробности — на сайте mirf.ru.

1 МЕСТО

Наталья Васильева

Камень в форме сердца

От редакции: *Если жить только для себя, то и жить-то незачем. И для людей это верно, и для нелюдей сотворённых. И ох дорого приходится порой платить за обретение этого смысла в своих же собственных глазах — но, как ни велика цена, нет другого выхода...*

Фуххххх! Из котелка повалил зловонный пар. Варенуха зачерпнула большой деревянной ложкой варево, осторожно подула, вытянув губы трубочкой, и попробовала зелье. Покатав на языке едкую горькую жижу, она сплюнула и довольно ослабилась. Заморочница удалась на славу. Побулькает на малом огне ещё немного, до янтарно-коричневого цвета, и можно процеживать да по склянкам разливать. Если зелье плотно закупорено, то до Ильина дня не спортится. Надолго его хватит.

Варенуха ласково почесала недовольную резким запахом Рыбку. За столько лет пора бы и привыкнуть — ан нет, животина с норовом, привыкать не желает.

В окно стучали — будто просили разрешения войти — ушлые водяные капли. Накануне осень расплатилась с Землёматушкой последними золотыми монетами листьев, припасёнными на чёрный день, а потом пожалела об этом и горько расплакалась. Так что вторые сутки подряд лил мелкий холодный дождик из тех, что превращают лесные тропки в ручейки грязи и обрушиваются ледяным потоком со всех веток на голову и за шиворот. Бррррр...

Варенуха задёрнула занавеску и проковыляла к сундуку, в котором хранились её

сокровища, но ничего доставать не стала, а уселась на покрытую старым тулупом широкую крышку и призадумалась.

В избушке и погожим летним днём царил полумрак. Небольшие окошки с тусклыми стёклами в мелком переплёте пропускали мало света. А сейчас — в осеннее ненастье — стало совсем темно. И эту тьму не могли прогнать ни огонь в очаге, ни керосиновая лампа на столе. Отблески света на неровных деревянных стенах, увешанных пучками трав и корней, играли в причудливый театр теней. Нелепо искажённые, бродили там силуэты зверей, людей и чудищ, сталкиваясь и снова разбегаясь. В такие смурные дни и вечера к старухе всегда приходили непрошенные гости. Вокруг Варенухи, обступив её со всех сторон, теснились воспоминания, одно горше другого. За ними верной собакой тащилась печаль-тоска. Если не прогнать их всех подальше, если чем-нибудь себя не занять, то и до чёрной немочи недалеко. Не попробовать ли...

Ещё летом Варенуха наткнулась в Вороньей книге на замысловатое и чудное заклинание, хотела испробовать, но дела, дела... Надо ведь всякие травы-ягоды, а на каждую свой сезон, собирать-сушить, зелья, притирания, мази варить, да защитные чары обновлять — в добрую погоду по лесу много всякого люда шатается. Так и не собралась. Вот сейчас — самое время.

Резко откинута крышка сундука недовольно проскрипела, разбудила задремавшую на столешнице Рыбку. Варенуха вытащила старенький шерстяной платок, в который была увязана книга, и положила свёрток на стол, отодвинув в сторону разомлевшую от дрёмы крысу. На Рыбке поговорка «Семи смертям не бывать, одной не миновать» почему-то споткнулась. Прожив уже не меньше десяти крысиных веков, она выглядела бодрой, вполне довольной жизнью, и помирать не собиралась.

Рыбка была единственной крысой, выжившей в Прилипье после того, как Варенуха в очередной раз сдурила, решив по доброте душевной выручить селян от прожорливой напасти. В голодный год, когда каждое зёрнышко на счету, она вспомнила про германского чудо-дудочника и его проделки. Дело-то нехитрое, надо только нужное слово знать. Помочь — помогла, только деревенские в благодарность её самое вместе с крысами в реке чуть не утопили. «Ату ведьму, ату!» Гнали всей деревней, кольями от берега отпихивали, когда она, захлёбываясь, обратно вылезти пыталась. Рыбка — тогда ещё безмянный молодой крысёнок — рядом в воде барахталась и в отчаянной жажде выжить Варенухе в волосы всеми четырьмя лапками вцепилась. Чуть-чуть тогда обе не утопили...

Старуха пробормотала заклинанье от нави, морока, плохих воспоминаний и дурных мыслей, и провела ладонями по лицу. В морщинах прятались зажившие следы других людских «благодарностей».

Стряхнув кончиками пальцев печали, — те разлетелись в стороны, как капли воды при умывании, — Варенуха ловко открыла нужную страницу и вчиталась в чужой неразборчивый почерк. Воронью книгу она выиграла на спор лет десять назад. Тогда старуха ещё не устала от общения с товарками и летала на весенний шабаш к Лысой горе. Молоденькая ведьма, так толком и не понявшая, какое сокровище ей досталось от умершей тётки, имела наглость вызвать Варенуху на колдовскую дуэль. Силы у девчонки хватало с избытком, а вот опыта и ума набраться эта дурочка ещё не успела.

Старуха ещё раз внимательно перечитала заклинание и проверила, всё ли готово. На столе рядом с книгой были разложены волчье лыко и дубовая кора, ведьмин волос, трава болиголова и сухие ягоды. Варенуха ловко

свернула кору, приладила серебристый мох, воткнула сморщенные рябиновые ягоды. Потом она вытащила из жестянки плоский светлый камушек в форме сердца и большой «цыганской» иглой уколола палец, даже не поморщившись от боли. Осторожно концом иголки она вывела знаки на серой поверхности камня и медленно прошептала нужные слова. Кровь зашипела так, словно каменное сердечко было раскалено в огне очага, а знаки выели глубокие тёмные бороздки в камне. После этого Варенуха засунула камушек внутрь куклы, покачала игрушку на ладони и осторожно положила на лавку у стены. Внимательно наблюдавшая за всем Рыбка соскочила со стола и, цокая коготками по деревянному полу, забилась под печь в угол, недовольно попискивая.

— Не робей, дурашка, — ласково сказала Варенуха. — Хоть ты и моя старая подружка, но тварь бессловесная. А мне, старухе, с живой душой словечком-другим перемолвиться охота.

С этими словами Варенуха погасила свет и улеглась на сундук. Заботы и печали ушли прочь, а темноты она с детства не боялась. «Не страшна чёрная кошка в тёмной комнате, гораздо опаснее чёрный душой человек среди бела дня,» — с этой матушкиной присказкой Варенуха натянула тулуп повыше и провалилась в крепкий сон без сновидений.

Первые лучи позднего осеннего солнца, выглянувшего из-за низких серых туч, упали на лавку, легонько пощекотав лежащую там девчущку. Та поёжилась, чихнула и проснулась.

— Утро доброе, внученька, — Варенуха накрывала на стол. — Умывайся, завтрак готов.

К привычным двум мискам: побольше для старухи, поменьше для Рыбки, добавилась новая и прехорошенькая — с белой глазурью, расписанная цветками-незабудками.

— Доброе утро, бабушка, — девчущка села, зевнула, сонно посмотрела на свои руки, потом осторожно провела ими по волосам и лицо оцупала. — А как меня зовут, бабушка?

— Позабыла? Вот соня! — притворно удивилась старуха. — Ты Дубравушка — моя двоюродная внуча, а я — бабка Варенуха, лекарка и травница. Как ты, бедняжка, две седмицы назад осиротела, я тебя к себе травяному делу учиться взяла. Неужто забыла? Говорила я тебе: не трогай настой сон-травы, он не только сладкие грёзы дарит, но и память отобрать может. Говорила?

— Извини, бабушка, я больше не буду, — робко прошептала девочка. — Я хорошая буду и тебя всегда-всегда слушаться стану.

— Вот и славно, Дубравушка. Давай-ка кашу есть. Каша пшённая, душистая, наваристая.

При слове «каша» из вчерашней схоронки вылезла Рыбка и жадно принялась.

— Ой, а это кто? — удивилась девочка.

— Подруженька моя. Её Рыбкой зовут, потому что я её из речки выловила. Она крыска ласковая, деликатная, только за хвост её дергать не след — укусить может.

Дубравка осторожно погладила Рыбку по гладкой серой спинке. Та фыкнула недовольно, но отбегать не стала.

— Смотри-ка, признала! — умилилась Варенуха. — Ты кушай, детка, кушай, а то остынет.

Так и зажили они втроём: нелюдимая ведьма, старая крыса и чудо-девочка из дубовой коры. Дубравка помогала старухе во всём — мела веником пол, кашеварила, перебирала сухие травы, отбрасывая почерневшие, училась различать их по виду и запаху, а главное — слушала долгими осенними, а потом зимними вечерами старухины байки, сказки да побасенки. И по всему выходило, что нет справедливости на белом свете: кто силен, тот и прав, а кто слаб — тот виноват, на добро люди отвечают злом,

а благодарности ни от кого не жди — короткая у человека память. Грустно становилось от этого Дубравке, а Варенуха, заметив, что девчушка пригорюнилась, обнимала её ласково, прижимала к своей груди, по лохмотной голове гладила и приговаривала:

— Ты моё золотко, ты моя красавица, я тебя никому в обиду не дам. Никому.

Приговаривала и песенки пела, от которых у Дубравки глазки сами собой закрывались, а грусть-печаль по тёмным углам пряталась.

Так прошла зима снежная, за ней весна мокрая, и наступило лето красное.

Дубравку старуха старалась далеко от избы не отпускать. А ну как дурного человека встретит? Малышку любой лиходей обидеть может. Но разве её удержишь?! Надо все гнезда птичьи обежать-проверить, не вылупились ли уже крохи-птенички? Надо заветные земляничные полянки обойти, сладкой ягоды отведать. Надо в каждый цветок заглянуть, проверить, какие там жучки-букашки водятся. Надо, надо, надо... Легконогая, как зайчишка, и ловкая, как белочка, убежала Дубравка от избышки далеко, забиралась на деревья высоко, по ручьям босиком звонко шлёпала. С робким лесным народцем дружбу завела. Играла в прятки с лесовушками, в догонялки с ручейниками, в дразнилки с эхом перекрикивалась. Хорошо летом! Привольно.

Как-то раз, когда на дальних хуторских развалинах малина поспевать стала, Дубравка незваных гостей встретила. Аукая и перекликаясь, ребятня деревенская в малинник забрела. Они душистой ягоды от души наелись, аж все мордашки соком вымазали, а потом игры играть затеяли. Дубравка на них с берёзовой ветки смотрела-смотрела, и так ей с ними поиграть захотелось, что она, позабыв все бабушкины наказы-рассказы, к детишкам из леса вышла. А те, как её увидели, с визгом и воплями во все стороны испуганными воробьями рассыпались:

— Ой, мамо-мамонька!
— Лесовуха!
— Кикимора болотная!
— Чудо-юдо темномордое!
— Страшила красноглазая!
— Чур меня! Чур!

В слезах Дубравушка домой прибежала и к бочке с водой бросилась, стала там себя рассматривать. У детишек давешних лица гладенькие да беленькие, а у неё тёмное и неровное, как кора дубовая. У ребят глаза большие и, как небо, синие, а у неё мелкие да красные. У девчушек косы русые с гребешками-лентами, а у неё на голове словно пакля серебристая. Ох, страшила! Как есть страшила!

Девочка в дом мимо Варенухи прокралась, на печь залезла и вся в комочек сжалась. Плачет Дубравка беззвучно, не всхлипывает, рот кулачком зажимает, чтобы старуха не услышала. Глядь, а Рыбка тут как тут: на плечо Дубравкино вскарабкалась, сидит-попискивает, слёзы горькие рябиновые со щеки девичьей язычком слизывает. И от этой нежности крысачей не удержалась — разревелась Дубравка в голос так, что Варенуха напугалась и в котле ложку утопила. Долго старуха билась, расспрашивала. А узнав, в чём суть да дело, напоила девочку отваром можжевельным, помыла ей с медуницей волосы и засветло спать уложила:

— Не страшила ты, а красавица. Но красота твоя, внученька, особая. Людишкам глупым её не увидеть, не понять. И тебе на них не след глазеть. От людей одни слёзы да печали. Так-то вот.

Заснула Дубравка, а старуха с ней рядом сидит и думает, что лучше горе малое, чем большая беда. Нельзя внучке к людям, ох, нельзя!

Наутро проснулась Дубравка уже не малой деточкой, не такой, как с вечера спать ложилась. У наговорённого волшебного дитяти печали и горести не часы — годы

жизни забирают. И стало теперь девочке целых тринадцать лет. Всё лето до осени она ни на хутор, ни к просеке и носу не казала. Варенуха этому нарадоваться не могла. Стала грамоте Дубравку обучать по тетрадкам с рецептами и заговорами. Только Вороныю книгу от внучки подальше держала, потому как там и такие заклинания есть, что при простом прочтении вслух неумелой ведьме сильно навредить могут.

Год прошёл, снова лето настало. Как-то раз Дубравка Варенухины записи читала и на чудный рецепт наткнулась — отвар для того, чтобы волосы стали мягкие да шелковистые. И состав простой, одно плохо — надо в него подорожник-траву добавлять. А трава эта не в лесу растёт, а вдоль тропок и дорог, где люди ходят. Не даст старуха ей разрешения, ох, не даст, поэтому Дубравка с утра без спроса убежала, уж больно ей захотелось на своей моховой гриве действие чудо-отвара испытать. Она осторожно вдоль речки к просёлочной дороге пробралась, проверила, чтобы никого вокруг не было, на коленки опустилась и стала подорожник рвать и в торбочку складывать. Да не каждый листочек, а только молоденькие, жучком-гусеницей не погрызенные. И так Дубравка увлеклась, что не заметила, как прямо к чьим-то босым ногам подобралась. Подняла девочка лицо вверх и ахнула. Рядом с ней мальчик лет эдак десяти или чуток постарше стоит и на неё в упор смотрит, спокойно так глядит, не пугается. Дубравка на ноги встала, платье от грязи отряхнула и улыбнулась парнишке:

— Привет, тебя как звать?

— Саньком мамка кличет, а ты кто?

— А я Дубравка. Ты здесь как оказался?

Мальчишка вздохнул, помялся и объяснять начал:

— Мамка с соседками по грибы пошла. Меня с собой брать не хотела, да я просил, просил и уговорил. Обещал, что буду

сидеть смирно, где она скажет, никуда не пойду. Уж больно одному тоскливо в доме.

— Обещал, а сам сбежал и заблудился? — догадалась девочка.

— Не, это наверное, мамка с тётками заблудились и полянку, где меня оставили, потеряли. Я их ждал, звал, аукал, чуть голос не сорвал. Потом вспомнил, как мы в лес шли, и попробовал назад вернуться. Не знаешь, до деревни далеко ещё?

— А ты что — сам не видишь? Вон — на холме — погост, а за ним деревня. Рукой подать.

— Не вижу. Я с рождения ничего не вижу, — мальчик губы сжал и отвернулся.

Дубравка его за руку взяла:

— Извини, Санёк, я же не знала. Давай я тебя к деревне отведу.

— Давай! — и крепко в её ладонь вцепился.

Они почти до деревенской околицы дошли, благо — никто по дороге не встретился. Пока шли, Дубравка каждую пичугу, что чирикала, назвала, каждый душистый цветок, что у дороги рос, сорвала и Саньку понюхать дала, потом на свои волосы пожаловалась и про чудо-отвар рассказала.

— Волосы — это что? Чепуха это. У тебя голос красивый. И ты сама красивая, я знаю.

Дубравка засмушалась, Санька на кучу хвороста на обочине дороги усадила, попрощалась и быстрее домой побежала, на ходу придумывая, как бабушке своё долгое отсутствие объяснить. Только все её придумки лишними оказались. Варенуха как только девочку увидела, ойкнула и в сундук полезла. Достала старуха небольшое зеркало в бронзовом окладе и Дубравке протянула. Девочка на отражение глянула и испугалась — вся она выцвела, словно белье застиранное. Коричневое, алое, серебристое — все цвета тускло-бурыми стали. Если бы старуха зеркальце не перехватила, уронила б его Дубравка. А зеркало разбить — к большой беде.

— Что со мною, бабушка?

— Говорила я тебе, не такая ты, как все. Особенная. И если часть души кому-то отдаёшь, она к тебе назад не вертается. По-годи, не реви, что-нибудь придумаю.

Убрала Варенуха зеркало, взамен платок с Вороньей книгой вытащила. Велела девочке и крыске рядом не вертеться, отойти и не мешать.

Долго Варенуха подходящее заклятие искала: то травы подходящее в местном лесу не растут, а заморские давно закончились, то надо свою молодость взамен отдавать, а где она у старухи — молодость? Наконец нашла. Древний рецепт, недобрый. Приказала Варенуха Дубравке в подпол слазить, мышинное гнездо разыскать и мышенят новорождённых, числом в чёртову дюжину, ей принести. Сама ближе к полуночи воды в котел налила, зверобой-траву туда бросила и на огонь поставила. Вода кипит, Варенуха ворожит-бормочет. Принесла в старом лукошке Дубравка тринадцать слепых розовых комочков и возле очага стала. Старуха котелок с огня сняла, с полкружки отлила и из клубка «цыганскую» иглолку вытащила. Когда ведьма первого мыша иглой насквозь проколола, Дубравка лукошко выронила и ладонями глаза закрыла. Не видела девочка, как перевернулось лукошко, и мышата в разные стороны пытались расползтись, пытались, да не смогли. Не видела, но сердце у неё о рёбра билось, как вольная птица в прутья клетки.

— Вот, выпей всё до капельки и запомни — ещё раз сглумишь, мышатами обойтись не сможем, — измотанная Варенуха чашку девочке отдала и без сил кулём на сундук обрушилась.

С той страшной ночи, хоть краски жизни к Дубравке и возвратились, она сама не своя стала: что ей старуха велит, послушно делает, а нет работы, забьётся в уголок и глядит в никуда. А взгляд пустой такой, словно не живая

девочка, а кукла деревянная сидит. Рыбка с ней подбежит, тёплым носиком в ладошку тыкнется. Дубравка её разок погладит ласково и снова руки на коленях складывает.

— О чём задумалась, Дубравушка? — старуха беспокоится.

— Ни о чём, бабушка, — ответит и на двор выйдет, чтоб досужие расспросы прекратить.

А думалось ей о том, зачем она на свете живёт, зачем лекарскую науку учит, если ей людей остерегаться надо? Вон — бабушка, та хоть и ворчит на весь род людской, но в базарные дни на торжище выбирается, снадобья от хворей да сглазу продаёт. А раньше так и по хатам ходила, болящих пользовала и у рожениц деток принимала. Как это, наверное, здорово — первый крик маленького человечка слышать! А она? Её чужое злое слово хуже ножа острого ранит, а самой ей доброе дело от всей души творить запрещено. Может, есть в чёрной книге что-то, что ей обычной девочкой стать поможет? Иначе и жить-то незачем. Ни к чему ей такая жизнь.

Надумать сложно, а выполнить — ещё сложнее. Варенуха редко надолго хату оставляет, если только на базар соберётся или отводящим глаза зельем вокруг дома и сада с огородом брызгает. Да и дел на это время она Дубравке столько задаёт, что не до чтения. Но помаленечку девочка всю Воронью книгу от корки и до корки пролистала. Много там было целебных заговоров, а ещё больше тех, от которых пальцы цепенеют и волосы на голове шевелятся. А ещё ей мерещилось, что иногда не слова — глаза звериные на неё из книги таращатся, а то страницы сами собой переворачивались. Часто хотелось девочке книгу в сундук вернуть и больше никогда оттуда не вытаскивать. Но сумела она с испугом совладать. Много в Вороньей книге разного, а вот того, что Дубравке надобно, не нашлось. Но нет худа без добра. Запомнила

девочка оттуда пару заклинаний. Выбрала она заклятия безобидные и несложные. Одно на знакомый образ было. Решила Дубравка, что раз Санька в деревне навестить не может, то хоть чародейным методом одним глазком на мальчишку поглядит. Ведь, кроме него и бабушки, она доброго слова ни от кого не слышала. Налила ключевой воды в блюдечко, взяла веточку анютиных глазок и стала цветами воду по ходу солнца размешивать и слова нужные напевно вслух проговаривать. Когда рябь успокоилась, увидела девочка сначала большую избу со двора. Крылечко такое приметное — с резными балясинами. Наличники на окнах кружевные, белёные. Потом сквозь окно горница видна стала, стол большой, вышитой скатертью покрытый, за столом баба сидит, передником лицо прикрывает, плечами дёргает. Сначала Дубравка подумала, что смеётся женщина, потом поняла — плачет. Рядом с бабой на лавке Санёк примостился — руки в кулаки сжаты. А вокруг стола мужик толстомордый ходит, толкует что-то, краснотубый рот широко разевает.

— Не к добру всё это, — подумалось Дубравке. — Не к добру.

Тут Варенуха вернулась. Девочка быстро пальцем в блюдце ткнула, картинка и пропала.

До рассвета промаялась Дубравка, всю ночь глаз не сомкнула, а с первыми лучами бабкин платок по самые глаза повязала и тихонько из хаты выскользнула. Дорога до деревни известная, не заблудишься, потом задами-огородами пробираться стала. Повезло ей, дом Санька третий от околицы оказался, а сам мальчик за сараем у поленницы сидел. Обрадовался он Дубравке, как услышал её — улыбнулся, потом опять погрузился.

— Эй, Санёк, чего невесел, буйну голову повесил? — присказка девочке сама на язык прыгнула.

Мальчик носом хлюпнул, рукавом рубахи его вытер, помолчал немного, а потом рассказывать стал:

— Мамка за дядьку Семёна замуж собралась. Говорит: «Тяжело вдове одной с хозяйством, а ты, сынок, мне не помощник».

Дядька сначала ласковый был, гостинцы носил, а как они сговорились, стал мамку уговаривать меня в приют для убогих отдать. Мол, для них я обуза, а там меня ремеслу какому обучат. Мамка сначала ни в какую, но он — змей поганый — вчера её уговорил. Она повыла, повыла и согласилась. Послезавтра дед Михей меня в город увезёт. Он туда сына навещать поедет и меня с собой возьмёт. А я в приют не хочу. Я здесь с мамкой жить хочу.

Рассказал всё это Санёк и снова носом захлюпал. У Дубравки тоже слёзы на глаза навернулись, но она их не выпустила. Нюни тут не помогут.

— Говоришь, дед через два дня в город поедет. Плохо. Времени совсем ничего. Но я что-нибудь придумаю. Обязательно придумаю!

Тут Санька в дом позвали. Дубравка его в щёку чмокнула и повторила:

— Я до завтра что-нибудь придумаю. С утра жди меня здесь, никуда не уходи. Жди.

Если жить только для себя, то и жить-то незачем. Есть в Вороньей книге заклинание на исцеление недужного от рождения. Слова в нём заковыристые — на чужом шипящем языке. Дубравка их на клочок бумаги записала и целый день учила, то и дело подглядывая — верно ли запомнила, не перепутала ли чего? Как только девочка уверилась, что без запинки сказать всё может, в очаг бумажку бросила.

Наутро с Саньком они на прежнем месте встретились. Дубравка мальчишечьи ладони в свои руки взяла и крепко сжала.

— Зажмурься и глаза не открывай, пока я не замолчу. Понял?

— Не дурак, чего тут не понять?

Санёк, и как смолк звонкий голосок, не сразу глаза открыл. Да и к чему ему слепыми-то таращиться? Распахнул, как понял, что стоит посередь двора с протянутыми вперёд руками, которые больше никто не держит. Сначала мальчик не понял, потом не поверил. Словно оглох Санёк, ноги в коленках подкосились, и он на землю плюхнулся. Родной двор чужим и незнакомым стал. Чудно всё вокруг. Страшно-то как!

Минута, другая – слух возвернулся. Глянь, а то большое у столба знакомо

хрюкает, а мелкие, что вокруг бегают, за-квохтали по-куриному. Тут Санёк и про Дубравку вспомнил, позвал, да опоздал уже. Нет подружки. Ушла, исчезла, будто не было. Куда ему, глупому, новым взором углядеть, что ветра и в помине нет, а вдоль забора трава колыхается. Это крыса Рыбка домой в лес бежит. Она за Дубравкой последние дни тайком присматривала. А в зубах крысиных камушек зажат. По-краснел камушек и ещё больше на сердечко похож стал. Верит Рыбка, что умна её хозяйка и из такой беды внучку вызволит, верит и спешит-торопится.

2 МЕСТО

Лев Власенко
refantasy@mail.ru

«Цветы Мананнана»

От редакции: Только свяжешься с кем-нибудь из страны фэйри – жди беды. Никакой священник не поможет. Не говоря уже о том, что красота действительно требует жертв – и отнюдь не всегда для этого хватит изнурительных диет или физических упражнений, бывают ситуации и куда серьезнее...

Чтение летописей – не самое увлекательное занятие. Но когда среди забытых имён находишь собственных предков, отношение к истории тотчас меняется. Так случилось и со мной летом 1898 года. Закончив второй год обучения в университете, я решил посвятить свободное время личным делам. Тогда я ухаживал за девушкой из знатного рода и мне хотелось доказать её родителям, что я являюсь лучшей партией для их дочери. Для этого я решил составить генеалогическое древо своей семьи, йоркширских Блакстонов.

Перебирая церковные книги и другие документы, я наткнулся на любопытную историю, связанную с одним из моих дальних родичей. Описанные события полностью захватили моё воображение, и я решил изложить эту историю в своём дневнике.

Прежде чем начать повествование, я позволю себе сделать небольшое, но необходимое вступление, и рассказать о прошлом моей семьи. Как известно, большинство европейских благородных родов возводят свою родословную, самое меньшее, к Гектору или Агамемнону, признаться, мои родичи также не были лишены подобных предрассудков. Обойдя стороной очевидные мифы, следует сказать, что первые

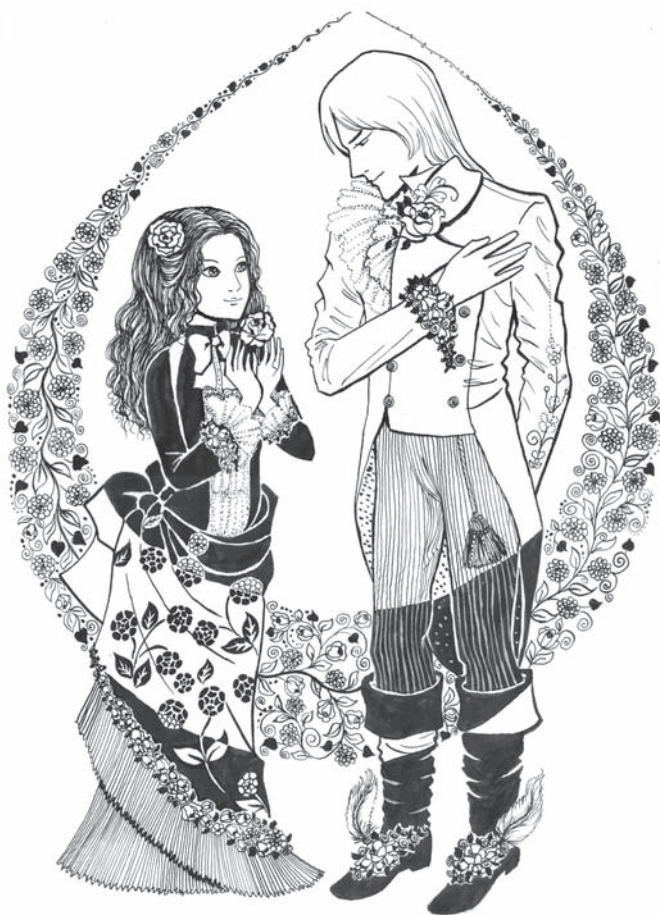

Иллюстрация Юлии Хоменко

упоминания о йоркширских Блэкстонах были сделаны в XII веке.

Мои предки никогда не были набожными католиками. Задолго до Реформации Блэкстоны заслужили славу вольнодумцев. Отчасти благодаря столь сомнительной репутации мой предок Джефффри Блэкстон оказался на стороне «круглоголовых» в гражданской войне и позже участвовал в ирландской экспедиции Кромвеля. Когда пришло время победителям делить добычу, Джефффри оказался достаточно предприимчивым, чтобы отхватить солидный кусок ирландской земли. Он догадался выбрать отдалённое и дикое место, поэтому после падения Республики никто не претендовал на его владения, и Блэкстон не только благополучно попал под амнистию, но и добился, чтобы его вексель на владение землёй был подтверждён королевским словом. Так он стал лордом Блэкстоном.

Земля, которую получил во владение сир Джефффри, располагалась неподалёку от северного побережья Ирландии, в графстве Донегал. До английской оккупации здесь стоял гордый престол могущественного клана О’Доннелл, второго по силе на всём острове. Когда зашла речь о возведении усадьбы, строители заломили несусветную цену за свои услуги, объясняя её сложностью по транспортировке материалов. Тогда лорд Блэкстон принял неслыханное решение – взять камень с холма Гринэн. Этот знаменитый на всё графство пологий холм венчали развалины древней крепости. Покинутая и разрушенная, она пребывала в запустении: стены осыпались, поросли мхом и почти на половину своей высоты вросли в землю. В незапамятные времена эта твердыня была столицей одного из ирландских королевств, но ещё раньше первые камни на вершине холма заложили древние обитатели зелёного острова – народ из мифов и песен, Туата Де Даннан.

Использовать камень с Гринэн для строительства собственного дома казалось ирландцам даже не святотатством, а просто

безумием, но лорд Блэкстон был непреклонен в своём решении. Он нанял отчаянных людей из числа бывших английских солдат, и ещё до зимы следующего года работа была закончена. Джефффри тотчас переселился в новый, просторный трёхэтажный особняк, достаточно прочный, чтобы выдержать осаду небольшой армии, и достаточно уютный, чтобы его можно было с полным правом называть домом. Вместе с лордом в усадьбу вселилась его немногочисленная челядь, а позже он ввёл под этот кров и свою молодую жену. Три года спустя родился первый ребенок лорда Блэкстона – девочка, которую назвали Блодуин.

Здесь и начинается обещанная мной захватывающая история. Я привожу её по возможности без искажений, но беру на себя труд несколько осовременить язык оригинала, чтобы не отпугнуть читателя присутствующими в тексте анахронизмами.

Блодуин унаследовала красоту матери и твёрдый характер своего отца. Влияние лорда Джефффри на дочь усилилось после того, как леди Блэкстон умерла от болезни. Девочке тогда ещё не исполнилось и пяти лет, и отец сделал её сосредоточием всех своих надежд и мечтаний. Он потакал любым капризам своей дочери, и она сделалась властной и капризной. Слуги не задерживались в доме Блэкстонов, и лорд вынужден был искать их по окрестным сёлам, среди ирландцев.

У Блодуин было отменное здоровье, но она была подвержена приступам меланхолии, которые вызывали у отца сильную тревогу. Девочка любила запах цветов, но вид увядших бутонов приводил её в глубочайшую скорбь – их съевшиеся, склонившиеся чёрные головы напоминали ей, что однажды она тоже состарится и умрёт. Блодуин не боялась смерти, она боялась потерять свою красоту. Поскольку девочка

выросла в достатке, с детства окружённая заботой, всё в мире казалось ей восполнимым, кроме увядания собственного тела. Взросление невозможно было замедлить, остановить или обратить вспять. Оно неизбежно должно было смениться старением, а с этим она смириться не могла.

Охватывающее Блодуин волнение не укрылось от отца. Тогда лорд Блакстон придумал хитрость. Он заполнил комнаты дочери искусственными цветами и в каждый букет добавлял несколько живых — для запаха. Каждое утро, пока маленькая госпожа завтракала, бдительные слуги искали живые цветы и обновляли их. Так создавалось впечатление, что время остановилось и цветение продолжается вечно.

Весну сменило лето, нарциссы отцвели и на их место пришли полевые цветы. Пришла осень — и вазы наполнились зверобоем. Но вот наступила зима, снег укрыл ирландскую равнину, и нигде больше на ней не осталось живых цветов. Вазы в комнате Блодуин опустели, и к девочке вернулась прежняя грусть. Ребёнок стал часто болеть, и даже в самые солнечные и погожие дни у неё был бледный и нездоровый вид.

Лорд Блакстон не знал покоя, он хотел построить зимний сад с оранжереей, но ничего не выходило: холод проникал сквозь стекло и уничтожал нежные зелёные ростки. Безутешный отец готов был душу продать за корзину ромашек — и его мольбы были услышаны.

Однажды на пороге усадьбы появился незнакомец. Он был одет в светлый костюм и высокие сапоги для верховой езды. Гость был стройным и красивым, с запоминающимся лицом и большими, широко расставленными глазами василькового цвета. Слуги хотели прогнать его, но странный гость тотчас привлёк внимание лорда Блакстона, продемонстрировав живой красный цветок.

Джеффри пригласил незнакомца в дом, провёл его в гостиную и предложил выпить виски.

— Я знаю всех своих соседей, — неторопливо протянул лорд, разглядывая цветок, — я тешу себя надеждой, что знаю всех ирландцев, живущих в округе, но вас я вижу впервые.

— Вы правы, я даже не из графства Донегал, — улыбнулся мужчина с васильковыми глазами, — меня зовут Мананнан Мак Лир, я родом из Эмайн Аблах, Яблочного имения.

— Никогда не слышал ни о вас, ни о ваших владениях, — нахмурился лорд Блакстон, — прошу простить мою неосведомлённость.

— Что вы, никаких обид.

Весь вечер лорд Блакстон вежливо расспрашивал Мананнана о делах, которые привели его в эту часть острова, пока не перевёл разговор на интересующую его тему:

— Ваш цветок привлёк моё внимание. Надеюсь, вы поделитесь со мной тайной его происхождения?

— Разумеется, нет, лорд Блакстон, — улыбнулся Мак Лир, — это было бы кощунством по отношению к сотворившему его волшебству. Чтобы сгладить свой отказ, я готов подарить вам корзинку таких же цветов, и привезу ещё во время следующего визита.

Разумеется, лорд Блакстон всеми возможными способами старался завоевать расположение Мананнана, и предложил ему погостить в имении до тех пор, пока дела таинственного гостя не будут улажены. Мак Лир с благодарностью согласился и прожил в Донегал три недели, позаботившись, чтобы в комнатах малышки Блодуин каждый день появлялись благоухающие цветы. К концу января он вынужден был уехать, к немалому огорчению Джеффри Блакстона и его дочери, которая успела привязаться к обаятельному мужчине.

— Не волнуйтесь, Блодуин, — Мак Лир склонил свою светловолосую голову перед юной госпожой, — наша разлука не будет

долгой, потому что я проникся к вам любовью.

Слова Мананнана подняли настроение девочки, и меланхолия оставила её. С наступлением холодов она играла в снежки, строила ледяные замки и сопровождала отца в конных прогулках по его владениям. Во время одной из таких прогулок лорд Блакстон и его дочь встретились с местным католическим священником, отцом Фоули. Он хотел обратиться к лорду с какой-то просьбой, когда заметил свежие бутоны, вплетённые в волосы девочки.

— Дьявольщина, — воскликнул священник, — происки Сатаны!

— Что ты мелешь, дурак?! — рявкнул на него Джеффри.

— До меня дошли слухи, что вы принимаете у себя Мананнана Мак Лира, — быстро заговорил Фоули. — Я вижу, это правда. Умоляю, лорд Блакстон, прогоните этого язычника!

— Пошел прочь, аспид! — лорд замахнулся на священника кнутом.

— Хорошо, я уйду. Но умоляю, подумайте о душе дочери.

Он завернул лошадь и ускакал прочь. Настроение было безнадежно испорчено и Блакстоны вернулись домой.

Следующей ночью Блодуин проснулась из-за того, что кто-то постучал в окно. Она встала с постели и подошла посмотреть, кто разбудил её. Никакого страха девочка не чувствовала, с детства её окружали только забота и всеобщее преклонение, поэтому она свыклась с мыслью о том, что весь мир существует исключительно чтобы развлекать и баловать её. Когда Блодуин приблизилась к окну, то увидела, что с другой стороны замёрзшего стекла на неё смотрит коротышка в зелёном камзоле. Девочка смело открыла окно и впустила его, карлик тотчас спрыгнул на пол и поклонился.

— Прекрасная госпожа, мой хозяин приглашает вас прокатиться с ним под луной.

Блодуин выглянула в окно и увидела запряжённые белыми лошадьми большие красивые сани. На них, кутаясь в пышные меха, восседал Мананнан Мак Лир. Блодуин знала, как отец высоко ценит Мананнана, поэтому она и подумать не могла, что ночная прогулка с ним может опечалить лорда Блакстона.

— Сир Мананнан, — девочка захлопала в ладоши, — какие у вас чудесные кони!

Она выпрыгнула из окна и забралась в сани. Мужчина заботливо закутал Блодуин в тёплую шубу. Занявший место возничего карлик щёлкнул кнутом, и сани помчались по снежной равнине, сопровождаемые весёлым звоном колокольчиков. Блодуин смеялась и пыталась поймать застывшую в небе луну. Мананнан развлекал девочку шутками и кормил сладостями, которые, как по волшебству, появлялись у него в руках. Дочь лорда Блакстона встревожилась, только когда из ночной дымки показались мрачные разрушенные стены.

— Я знаю, где мы! — воскликнула девочка. — Это холм Гринэн.

— Вы правы, госпожа, — кивнул Мананнан. — Поднимается ветер, а я не хочу, чтобы вы замёрзли и простудились. Приглашаю вас к себе домой.

— Домой? Вы живёте...

— На холме Гринэн? — улыбнулся Мананнан. — Конечно же, нет! Моя обитель совсем в другом месте.

— Где же?

— Это секрет, волшебная тайна. Вы примете моё приглашение?

Блодуин задумалась, ей было не по себе от вида руин на вершине холма, но Мананнан был прав — ветер усиливался, и обратный путь к усадьбе занял бы немало времени.

— Хорошо, — сказала Блодуин, — я согласна.

Едва она произнесла эти слова, как правивший лошадыми карлик неприятно, скрипуче рассмеялся. Блодуин вздрогнула, посмотрела на странного кучера и впервые заметила его уродливые крысиные глазки и мелкие острые зубы. Это зрелище отрезвило её: девочка вспомнила все страшные сказки, которые слышала от служанок.

— Отвезите меня домой, — попросила Блодуин.

Сани тотчас остановились, лицо Мананнана скривилось, и он сухо произнёс:

— Но, дорогая, вы уже согласились...

Блодуин не дослушала, она выпрыгнула из саней и побежала прочь. При этом она так сильно ударилась об острые поручни подбородком, что рассекла его до крови. Девочка долго бежала, спотыкаясь, проваливаясь в глубокий снег и зажимая руками кровотокающую рану. Никто не преследовал её. Когда мисс Блэкстон оглянулась — упряжка белоснежных лошадей, сани, кучер и господин Мак Лир исчезли. В одной тонкой ночной рубашке девочка оказалась посреди заснеженной пустоши.

Её нашли ранним утром, замёрзшую до полусмерти. Когда Блодуин рассказала отцу о ночном госте — лорд Блэкстон разослал людей по округе с приказом найти и схватить Мананнана. Поиски оказались безуспешными. Местные жители, получив весть об облавах, бросали свои дома и уходили в бега, а те, кого удавалось поймать, съёживались от страха и теряли дар речи, едва услышав о Мак Лире.

Блодуин так и не оправилась после обморожения. Она умерла через два дня после злополучной поездки. Лорд Блэкстон приказал сжечь все нашедшиеся в доме цветы и закрылся в своём кабинете. Он как раз приканчивал бутылку виски, когда к нему пожаловал отец Фоули.

— Кто вас впустил? — прорычал лорд Блэкстон.

— Ваши слуги ирландцы, а значит, добрые католики, — объяснил священник.

— Убирайся, или я велю спустить на тебя собак, — проворчал Джеффри и потянулся за бокалом.

— Я здесь не ради вас, — сказал Фоули, — похороны назначены на завтрашний день, а у вас нет священника.

— Пошёл прочь!

— Я пытался предупредить вас. Мне давно известно, что Мананнан Мак Лир вызывает у суеверных людей ужас по всей Ирландии. Ваша дочь — не первая, кого он похитил. Осмелюсь предположить, что ей даже повезло.

Джеффри попытался подняться, но к тому времени он слишком много выпил, и потому с бессильным стоном повалился назад в кресло.

— Другие родители даже не смогли похоронить своих детей. Вы не ирландец, потому не знаете наших легенд о сидах, волшебном народе. Ваша дочь мертва, но она, по крайней мере, спасла свою бессмертную душу. Я должен отпеть её как можно скорее, иначе храбрость, которую она проявила, может оказаться напрасной.

— Я послал за священником в Дублин, — глухо проговорил Джеффри.

— Он прибудет только послезавтра вечером, а туман опускается, — Фоули покачал головой. — Прошу вас, лорд Блэкстон. Подумайте о Блодуин. Подумайте о своей дочери!

Джеффри обхватил голову и застонал.

— Хорошо! Я согласен, делай, что нужно...

Похороны прошли в тот же день. Лорд Блэкстон, осунувшийся, не до конца протрезвевший, плакал, как ребёнок, когда гроб опускали в могилу. Фоули провёл похороны по католическому обряду и договорился освятить крест, который будет установлен в следующем году.

В ночь после похорон Джеффри приснился жуткий кошмар. Он видел свою дочь погребённой заживо. Блодуин царапала руками крышку гроба и звала на помощь. Лорд Блэкстон проснулся в хо-

лодном поту. Он быстро набросил плащ, схватил пистолет и выбежал из спальни. Не заботясь о том, что его шаги могут разбудить челядь, лорд Блэкстон спустился по лестнице, распахнул дверь и выбежал из дома. Он остановился только возле могилы, упал рядом с ней на колени. Из груди мужчину вырвался протяжный стон.

— Я принёс лопату.

Джеффри вздрогнул и поднял голову. Отец Фоули стоял над могилой. Как и лорд Блэкстон, он был наспех одет и дрожал от холода.

— По-видимому, нам приснился один и тот же сон, — сказал священник. — Если мы ошибаемся, то совершаем страшный грех...

— Не стойте так, — взвыл Джеффри, — начинайте копать!

Вместе мужчины быстро разрыли свежую могилу и очистили гроб. Они просунули под крышку лезвие лопаты и навалились на рукоять. Со зловецким скрипом гвозди отошли... Лорд Блэкстон отшатнулся, прикрыл нос руками. Вместо тела Блодуин гроб был наполнен чёрной болотной жижей и тиной.

— Чёрт возьми! Кто сделал такое с моей дочерью?!

— Я опоздал, — скорбно проговорил Фоули, — мои молитвы не спасли бедняжку. Мананнан забрал её.

— Он пробрался сюда и разрыл могилу? — и без того бледное лицо Джеффри стало пепельно-белым от ярости.

— Мы хоронили не вашу дочь, — сказал священник. — Мы закопали куклу из грязи и болотной тины.

— Так она жива! — вскричал Блэкстон.

— Лорд Блэкстон, остановитесь! — крикнул ему вслед Фоули. — Вы уже ничем ей не поможете!

Но Джеффри не слушал его. Оседлав коня и не дожидаясь рассвета, он поехал к холму Гринэн. Добравшись до руин, мужчина спешил, выхватил из-за пояса пистолет и закричал:

— Мананнан! Выходи, негодяй! Покажись!

— Я здесь, лорд Блэкстон, — откликнулся знакомый голос.

Джеффри обернулся и увидел перед собой Мананнана, совершенно невозмутимого, одетого в тот же неизменный светлый костюм. Блэкстон выстрелил. Пуля прошла сквозь Мак Лира навывлет, не причинив ему ни малейшего вреда.

— Я разочарован, лорд Блэкстон, — Мананнан скорбно покачал головой.

— Где моя дочь?! — заорал Джеффри. — Где Блодуин?

Он попытался ударить похитителя, но тот легко и грациозно уклонился.

— Ваша дочь прекрасна, — улыбнулся мужчина и сверкнул синими глазами.

Блэкстон выругался и швырнул в него разряженным пистолетом.

— Довольно, успокойтесь, — Мак Лир поднял свою тонкую руку и щёлкнул пальцами.

Джеффри хотел снова кинуться на него, но почувствовал, что его тело сковано невидимыми сетями. Он тотчас вспомнил слова отца Фоули о волшебном народе. Лорд Блэкстон не раз слышал, как его служанки шепчутся о сладах, но никогда не принимал эти суеверия всерьёз и запретил им рассказывать страшные сказки своей дочери.

Мананнан Мак Лир улыбнулся своими тонкими, бескровными губами.

— Красота, лорд Блэкстон, это богатство, — неторопливо проговорил он. — Сущность любого богатства в том, что оно должно кому-то принадлежать.

Джеффри дёрнулся, его лицо покраснело и стало пунцовым. Он сжимал трясущиеся кулаки и тщетно боролся с невидимыми колдовскими сетями, которые накинута на него сид.

— Если ты заставил мою дочь...

— Заставил?! — мелодично рассмеялся Мак Лир. — Вечно вы, сыновья Миля, приписываете всем собственные грехи. Да разве смог бы я к чему-то принудить вашу дочь? Она пришла ко мне по доброй воле,

потому что я обладаю тем, чего она желает более всего на свете.

– Что?! Что ты наплёл ей?

– Молодость, – сид ослепительно улыбнулся. – Вечная молодость. В вашем мире это недостижимая цель, но покинув его, она смогла исполнить своё желание и сохранить свою юность нетронутой, остаться навек прекрасной...

– Зачем?!

– Зачем я согласился помочь ей?

Блакстон отрывисто кивнул.

– Вам лучше других должна быть понятна моя цель, – Мананнан склонил голову. – Красота требует жертв, ради красоты нужно страдать... Ваши тщеславные дамы принимают эти поговорки на свой счёт, но они намного древнее, чем вы, дети Миля, можете себе представить.

Он взмахнул рукой и на месте развалин из земли выросли крепостные стены. Жители Донегал не ошибались – эту крепость возвели не люди. Ни один человек не смог бы создать нечто столь же прекрасное и совершенное.

– С древнейших, дочеловеческих времён красота была предметом поклонения, – продолжил сид. – Задолго до того, как пришли ваши предки, поражённые страхом перед природой, красоте приносили жертвы.

– Что... что ты несёшь?! – выкрикнул Джеффри.

– Вы брали у меня цветы для своей дочери. Стремясь продлить их жизнь, вы вымачивали их в сахаре, приправляли уксусом. Они были вашей жертвой, которую вы смиренно преподносили к ногам вашей богини, – пояснил Мананнан. – Ваша дочь – прелестный цветок, лорд Блакстон. И я решил принести её в жертву своему кумиру. Смею вас заверить, получив такое подношение, она была более чем счастлива.

– Она?

– Эрин, – с любовью произнёс Мак Лир. – Моя прекрасная, моя вечная Эрин. Радость

и боль моей жизни. Вы когда-нибудь задумывались, есть ли ещё где-то в мире остров прекраснее нашей зелёной Эрин?

Он не дождался ответа.

– На свете нет ничего прекраснее, – глаза Мананнана сверкнули, – не раз за обладание ею проливалась кровь, потому что нет такого существа, которое бы, единожды увидев Эрин, не полюбило её всем своим естеством. Но я один знаю тайну её необычайного обаяния, её вечной молодости и красоты...

Мак Лир приблизился к лорду Блакстону и прошептал ему на ухо:

– Прислушайтесь.

Джеффри дёрнулся, забился, как муха в липкой паутине.

– Вы слышите их? – зашелестел голос Мананнана. – Прислушайтесь к ветру, лорд Блакстон. Вы услышите их смех, их плач, их дыхание. Они не мертвы, они живут, заключённые в недрах Эрин, в её волшебных холмах. Прекрасные цветы, которые я возложил на её алтарь, и среди них – ваша дочь.

Джеффри почувствовал, как его душат слёзы, он запрокинул голову и закричал. Его крик, полный боли и отчаяния, разнёсся над укрытой снегом равниной, подхваченный ветром. Мананнан более не счёл нужным утруждать себя разговорами. Он поклонился на прощание и скрылся в своей величавой крепости. Когда дверь затворилась за ним, стены начали покрываться трещинами и зарастать мхом, они погружались в землю, пока над вершиной холма не остались лишь венчающие их остроконечные бойницы, сточенные ветром и напоминающие гнилые зубы.

В тот же миг лорд Блакстон почувствовал, что колдовские пути отпустили его. Он бросился к руинам и голыми руками стал разгребать твёрдую, мёрзлую землю. За этим занятием его и нашли слуги: с безумным взглядом, сбитыми в кровь руками, в яме, которая едва доходила ему до колен. Рассудок Джеффри Блакстона помутился, но он сумел поведать отцу Фоули о встре-

че на холме Гринэн. Священник записал его рассказ, и бумага с ним долгие годы хранилась среди других церковных книг графства Донегал.

О дальнейшей судьбе лорда Блэкстона известно немного. Говорят, он до самой смерти не оставил попыток проникнуть в волшебные холмы и провёл первые раскопки на холме Гринэн. Говорят, что он окружил себя талисманами и амулетами, которые должны были наносить вред сидам. Соседи перестали общаться с ним, челядь разбежалась, и лорд Блэкстон умер в одиночестве, зимой двадцать лет спустя. Его тело обнаружили в комнате дочери. Джеффри сидел напротив широко раскрытого окна, опершись на подоконник. Одна его рука сжимала оконную раму, другая была вытянута, как будто в попытке что-то поймать. Рот лорда Блэкстона был искривлён в жутком, душераздирающем крике. Конечно же, он замёрз и напоминал гротескную ледяную скульптуру, которую не смогли полностью распрямить даже для похорон.

Таков конец истории лорда Джеффри Блэкстона. После его смерти усадьба осталась незаселённой — новый владелец этих земель предпочёл держаться подальше от проклятого холма Гринэн. Позже, в годы, предшествующие славной революции, повстанцы-католики сожгли усадьбу как символ ненавистного англиканского ига. Говорят, её обугленные останки можно найти по сей день.

Сама по себе легенда о Блэкстонах ничем не примечательна среди других подобных ей ирландских преданий. Меня она заинтересовала по двум причинам: во-первых, Джеффри Блэкстон был моим дальним родичем, хотя и происходил из ветви, отколовшейся от рода йоркширских Блэкстонов. Вторая причина: небольшая колонка в газете «Ньюс Лэттер». Позже я разыскал её в подшивке за 1886 год и воспроизвожу здесь её текст с незначительными изменениями:

«Ночью с 31 октября по 1 ноября из психиатрической лечебницы святого Конала, что в городе Леттеркени, графство Донегал, пропала пациентка. Девочка примерно десяти лет, худощавого телосложения, волосы необычного серебристого цвета. Особые приметы: косой шрам на подбородке. Пациентка страдает потерей памяти. Всем, имеющим о ней какую-либо информацию, просьба сообщить...»

Поражённый столь странным совпадением, я отправился в Леттеркени и посетил упомянутую в статье лечебницу. Там мне удалось поговорить с нянюшкой, которая ухаживала за исчезнувшей пациенткой.

«Вообще-то мы не разглашаем информацию о наших больных, — шёпотом поведала она мне, — но вы же сами понимаете, что это особый случай. Мы ведь оповестили полицию, и все газеты о ней писали. Может быть, кто-то узнает бедняжку? Может быть, даже вы...»

«Возможно», — охотно согласился я.

Я пересказал пожилой даме содержание объявления в «Ньюс Лэттер».

Она покивала и сказала:

«Наверное, они нарочно ошибку сделали, чтобы не будоражить читателей. У девочки никакой потери памяти не было. Она помнила свой дом и своего отца, но часто бредила. Говорила о вещах, которых не бывает, и иногда разговаривала с воображаемым собеседником».

«Вещах, которых не бывает? — переспросил я».

«Ну да, знаете, феи, эльфы. Сказки, — нянюшка грустно улыбнулась, — я не думаю, что это в самом деле был бред. Просто начитанный и мечтательный ребёнок. Если бы не обстоятельства, при которых её нашли, — к нам бы она ни за что не попала».

До этого я уже узнал, что девочку нашли вдали от жилья и дорог.

«Как она пропала? — спросил я».

«Это было на День Всех Святых. Мы его не отмечаем. Страшные видения и без

того наших больных тревожат. В ту ночь поднялся страшный ураган, ветер выл, как стая волков. Я как раз совершала ночной обход, как вдруг слышу – наверху звон забитого стекла! А потом ещё крики. Я сломя голову кинулась в её комнату, а там пусто. Окно открыто настежь, ветер так качнул створку, что стекло вылетело. Я за сердце схватилась, думала, малышка выпала. Её комната ведь была на третьем этаже... но, слава богу, под окнами ничего не было...»

«Как вы думаете, что произошло?»

«Думаю, девочка сбежала, спустилась по водосточной трубе и отправилась искать своего папу, бедняжка».

Я не стал спорить, потому что нянюшка выглядела очень упрямой женщиной и вряд ли стала бы слушать чепуху про детей, по-

хищенных сидами. Я покинул Леттеркени вечером того же дня. Небо заволокли тучи, шёл дождь. На горизонте сверкали вспышки зарниц и изредка, когда ветер утихал, были слышны далёкие раскаты грома.

Я думал о дочери лорда Блэкстона. Возможно, она скитается сейчас по холодным ночным улицам, одинокая в этом незнакомом для неё мире. Возможно, Мананнан Мак Лир вернулся за ней и вновь увёз в страну вечной молодости. Я не исключаю возможности и того, что это простое совпадение и несчастная беглянка не имеет никакого отношения к истории рода Блэкстонов.

Мой экипаж сильно трясся по разбитой дороге, по его крыше барабанил дождь.

Я думал о далёкой грозе.

16 марта 1900 года.

3 МЕСТО

Дмитрий Троллев

Право на подвиг

Не убивайте душу, которую Аллах запретил убивать, если только у вас нет на это права.

Коран 6:151

От редакции: Мир может быть или слишком сложен для понимания, или слишком прост. Если на это непонимание накладываются грязные игры политиков разнообразных калибров и бесприютность в непонятном мире, можно ждать крови. Много крови. И даже сами убивающие вряд ли смогут внятно объяснить – зачем?

Тело ударяется о гравий возле железнодорожных путей. Я нажимаю кнопку – взрывная волна тащит меня по земле. Руки и ноги стёсаны щебнем, в ушах звенит, голова раскалывается, но сознания не теряю. Жуткая боль разливается по всему телу. Хочется выть, орать и рыдать младенцем, но парализованное болью тело способно лишь на конвульсии, а может, и агонию. Вот только мёртвые не чувствуют боли, а значит, я не в одном из лучших миров, а всё ещё на грешной земле. И ради сохранения status quo следует поторопиться. У меня нет времени для агонии.

Идти вслепую возле взорванного вагона – это самоубийство. Красные пятна боли сменяются привычной темнотой, и я решаюсь разомкнуть веки.

Развороченное чрево вагона. Горит даже железо, полыхает. Лижут небо языки пламени. Внимание привлекают незначительные детали: догорающая шторка, придавленная спортивная сумка, плавятся пластмассовые глаза-пуговицы плюшевого медведя, вспыхивает его рыжее тело. А когда возвращается слух, то слышу не рёв бушующего пламени или звон лопаю-

щихся от жара окон, а тихий треск: медленно дотлевают кожаные сиденья. Журнал с красотками на обложке подхватывает ветер — обожжённый край разгорается, и пламя целиком поглощает глянец. Прощальным фейерверком он отправляется в небо. Красиво.

Посреди всего этого великолепия возвышается металлическая балка. Я даже не догадываюсь, часть это вагона или выгнутая взрывом рельса. В стальном месиве она выглядит самым цельным предметом. Среди кусков покорёженного металла балка возвышается древним идиолом. Демоном, вырвавшимся из заточения и требующим человеческих жертв.

А люди...

Лодев.

Десять месяцев до Подвига

Смерть — это неизбежность, дарованная всем. Я знаю это, как и любой учащийся школы Хафиз Иман. Всякий шахид понимает, что, с точки зрения Вечности, разница между смертью в двадцать и в пятьдесят ничтожна. Всё равно ничего путного из нас бы не вышло, раз уж мы сюда попали.

Хотя школа как школа. Ничем не хуже других на юге Франции: и казармы чистые, и кормёжка сносная. Да и деньги после Подвига семья получит немалые. Это сто процентно, ведь кому ещё верить, если не государству.

Мне и деньги-то некому оставить. Если б не сестра, мать-одиночка с двумя детьми, даже в шахиды не взяли. А мне деваться некуда: ни работы, ни образования, и государственное пособие закончилось. Экстремистские бригады, в которых я состоял, вытеснили мусульманские полисмены. Они были лучше вооружены, а главное, более жестоки: пока мы сражались за клочки земли, именуемой Родиной, они защищали Всевышнего. В какой-то момент я внутренне приготовился к встрече с Творцом, потому и напросился в Хафиз

Иман. Хотелось закончить жизненный путь по-мужски, а не как свинья, отловленная обкуреными полисменами.

Нет, разумеется, мы тоже курили гашиш, только редко, по праздникам. В отличие от инструкторов, вечно жующих густую смолу анаши, нам полагалось хранить разум в чистоте, дабы не напортачить в самый ответственный момент своей никчёмной жизни — в момент смерти.

— Ничто, я повторяю, ничто, — орал жующий гашишную жвачку инструктор, — не должно нарушать чистоту сознания в момент Подвига!

Тогда мы особенно нуждались в ясности сознания, поскольку ползли под паутиной колючей проволоки. Сдохнуть во время тренировки — невелика заслуга. Нужно дожить до настоящего Подвига, лишь тогда радость от встречи с Создателем можно считать полной. Ведь героев Он встречает вне очереди.

Ползущий за мной Мишель меньше всего походил на героя: рыжие волосы, конопатое лицо, тело червя. После позорной казни отца-винодела ему, студенту, как старшему сыну пришлось кормить семью. Несколько бессмысленных попыток раздобыть денег — и Мишель оказался в Хафиз Иман. Как приняли такого дохляка, я не знаю, но было в рыжем что-то такое, что указывало на внутренний стержень, какая-то наглость идти до конца. Её-то и разглядели опытные вербовщики школы.

Тело юноши оказалось неприспособленным для ползанья в грязи под навесом из стальных колючек, поэтому наглец хватал за ботинок меня, ползущего впереди, и подтягивался. Инструктор, конечно, это заметил, но не спешил возмущаться. Мне Мишель тоже не мешал, поэтому я не отказывал в посильной помощи. К рыжему я испытывал почти дружескую симпатию.

Здесь друзей не заводили. Тренировки сжирали все время: инструкторы себя не жалели, готовя нас к Подвигу. У нас не хватало сил даже на ненависть, один

Подвиг на уме. Мы иногда ругались во время бесконечных тренировок, только нормально поговорить не удавалось — инструкторы орут. А после занятий даже язык так устаёт, что иногда и послать никого не можешь. Лишь дежурные фразы, которыми мы изредка перекидывались с Мишелем, чтобы не забыть человеческую речь, чтобы напомнить, кем мы были до школы.

Мишель пыхтел, преодолевая последнее метры колючки. Я бы уже давно закончил, но боялся, как бы рыжий не застрял посреди траншеи. Упражнение не на время, поэтому ждал, пока Мишель подтянется на моей ноге. Я не видел ничего зазорного в том, что мы закончили упражнение последними, но инструктор остался недоволен.

— Эй, солнцеликий, — от инструктора это звучало грубейшим оскорблением, — таким, как ты, не Пророка славить, а убирать мусор после подвигов его истинных сыновей! Убирайся прочь к своей жирной мамаше!

Из Хафиз Имана только два пути: на Подвиг, или за казарму, где устраивали скорую встречу с Создателем. Инструктор подписал Мишелю смертный приговор, и это понимали все.

— Я сам решу, шакал, как и когда мне встретиться с Творцом. И ни одна собака не помешает исполнить дарованный мне небом Подвиг. Я герой, а не трус, как ты, толстая свинья!

Наверное, инструктор должен был рассердиться. Орать, бить кулаками по худому телу Мишеля, повалить того на землю, а после достать пистолет и разрядить обоим в наглеца. Наверное, он бы так и сделал, но, говоря обидные слова, Мишель протыкал обидчика остро заточенным карандашом — тем самым, что писал письма «жирной мамаше»: в глаз, в шею, в щеку, ещё раз в шею...

В лазарете инструктора так и не спасли, истёк кровью. Мишеля увели. Всю ночь мы ждали, что затрещит автомат за казармой,

но выстрелы так и не нарушили тишину. А утром Мишель вернулся к нам и продолжил тренировки. Как ни в чём не бывало.

Бирмингем.

Шесть месяцев до Подвига

Каждый конец света имеет свою легенду. Мир топят в бесконечных дождях, терзают астероидами, а самые законченные физики мечтают о чёрной дыре. В какой-то момент нашей жизни мы даже можем увериться в стабильности мироздания и неиссякаемости окружающих нас благ. Но всё эфемерно, как сон...

Где-то в Умани, на далёкой Украине, студент после бурной ночи хотел взбодриться энергетиком — напитком с повышенным содержанием кофеина. Денег не хватало даже на автобус, но на столе лежала взломанная пластиковая карта. Задумка студента была проста — повторно снять стипендию и ломануть банкомат, чтоб не сдал. Подходящий вирус студент изобретал долго.

Несмотря на немалый мороз, парень прошагал больше часа, прежде чем нашёл приглянувшийся банкомат. Заветный аппарат исправно выдал оставшиеся на карте деньги — в пересчёте чуть больше десяти евро — и погас. На эти деньги студент купил две пачки курева, пару банок энергетика, а остаток потратил на травку, чтобы отпраздновать удачную аферу...

Через два часа упала банковская система Украины. Ещё через двенадцать минут сумасшествие настигло и финансовую систему России. На двадцать секунд дольше продержались США. Евросоюз сопротивлялся вирусу почти три часа, за это время поседели финансисты Японии и Южной Кореи. Арабские страны вирус посетил последними, одолев их банковские счета почти на сутки позже украинских.

Вирус выискивал цепочки цифр и перемешивал их в произвольном порядке. После банковских счетов он принялся за базы

данных, попадавшие на его пути: цифровая связь, спутниковая навигация, глобальные коммуникационные сети, интернет... Пока программисты и математики думали, что делать с правильными цепочками бессмысленных цифр, радикально настроенные арабы вторглись в Израиль.

Паника охватила Европу. Тысячи людей вышли на улицы: одни жгли машины и грабили магазины, другие пикетировали государственные учреждения. Деньги обесценились уже на следующее утро, ими разжигали костры. На второй день массовые беспорядки переросли в вооружённые столкновения.

Нервозности прибавила и ситуация в США. В Российской Федерации ещё со времён Союза имелся военный проект «Мёртвая рука». В случае полного уничтожения населения России восемнадцать ядерных боеголовок вылетали из разных подземных шахт необъятной страны и наносили удары по потенциальным противникам. Абсолютно автоматически. Вирус добрался и к «Мёртвой руке»: Китай успел отбить две боеголовки из четырёх; американцы получили остальные, поскольку их ПВО вирус уже вывел из строя. Учитывая полное отсутствие связи, можно было смело говорить, что США как сверхдержава исчезла с политической карты мира. Китай же вторгся в Россию без предупреждений, как и получил две незаслуженные ракеты.

Большинство европейских правительств ушло в отставку или было свергнуто. Уже на четвёртый день на площадях Роттердама и Лиссабона расстреливали финансистов и политиков. Когда на восьмой день хаоса арабские танки въехали в Париж, сопротивляться им было некому: разрозненные банды вели войну за выживание. Многие забыли о либерализме и искренне присягнули на верность Пророку ради мира и стабильности. Да и объявившиеся эмиры, многие с европейским образованием, не слишком отличались от былых политиков. Некоторые шутили,

что теперь не надо тратить на выборы, да и воровать не будут — у себя не украдёшь. Строгие законы шариата, учитывая шок от разрушенной информационной и банковской системы, европейцы приняли с пониманием.

Неисламскими в Европе остались островные Британия и Скандинавия, объединённые в Христианский союз. А на западе продвижению Европейского Эмирата мешал русский медведь, в зад которому вцепился китайский дракон.

Я считаю, что уманский студент — не более чем байка. Даже если бы и нашёлся гений-одиночка, сумевший создать подобный вирус, он бы предвидел последствия. А учитывая задержку в проникновении вируса в сеть арабов и стремительное вторжение в Европу, вывод о новых напавших сам собой.

Мой же личный конец света начался в Бирмингеме, и его виновник — бывший студент, а теперь выпускник школы Хафиз Иман шахид Мишель.

После событий с незадачливым инструктором Мишеля остерегались. Хотя наша команда и состояла из отморожков — на каждом висело по десятку трупов — мы интуитивно боялись Мишеля, потому принимали за старшего.

В Эджбастоне, где разместился наш отряд, давно привыкли к арабским беженцам. Казалось, люди бегут от учения Пророка, а я из окна видел минарет. Когда раздался призыв муллы, мы достали ковры-намазлыки и приступили к молитве. Нас предупредили, что ради общего дела нарушить несколько запретов не считается грехом, но идти на такие жертвы не пришлось.

После Хафиз Иман наша сорокаметровая квартирка выглядела даже просторной. Мулла из школы рекомендовал провести вечер перед Подвигом в раздумьях и молитвах, но искренне это получалось только у Мишеля. Остальных мучило смутное беспокойство, отдалённо напоминающее со-

мнение. Ребята топили его в бесконечных чашках кофе, разрешённого в Британии.

Мишель от кофе отказался. Как только стемнело, он напомнил нам, что нужно выспаться, дабы с чистым сознанием встретить Создателя, а сам напялил кожаную куртку и ушёл. Разумеется, о своих планах он не распространялся.

Я допил очередную чашку кофе и лениво глянул на звёзды. Они мерцали в ночном небе тлеющими угольками, как толпа курильщиков на концерте рок-звезды. Захотелось курить, присоединиться одиноким огоньком к вселенскому шоу. В Британии даже табак был легальным. Я тоже снял с вешалки куртку, но уйти без объяснений не удалось.

— Куда намылился? — скорее для порядка спросил один из шахидов, но по угрюмому выражению его лица я понял, что отвечать придётся.

— За сигаретами, — небрежно бросил я.

— А как же чистота сознания? — с ехидцей добавил Марк.

— А ты девка, что тебя от курева развозит? — пошутил я, подозревая, что ребята тоже соблазнились на табачок. До арабской экспансии мы все были заядлыми курильщиками.

Под дружный хохот ребята достали остатки денег, и мне пришлось принять заказ на прощальный ужин. Ничего запрещённого, кроме кофе и сигарет, в основном сладости.

Недалеко от дома я наткнулся на подходящую лавку. Заправляли в ней два негра, судя по акценту, земляки-французы. Ребята были навеселе, поэтому долго искали нужные товары на своих полках. Особую сложность доставили консервированные персики: несколько жестяных банок затаились на верхней полке, и плохо справляющиеся с гравитацией негры были вынуждены воспользоваться стремянкой. Наверное, это испортило им настроение, ведь дать мне позвонить они отказались. Лишь десять фунтов «на чай» помогли вспомнить об

общей родине на той стороне Ла-Манша. А землякам нужно помогать.

Я быстро вернулся с покупками, чему обрадовались ребята. Мы уселись вокруг стола, разложили еду и принялись отмечать предстоящий Подвиг. Самыми вкусными в тот вечер оказались всё те же сигареты и кофе. Несмотря на советы Мишеля, мы наслаждались обжигающей «нефтью» и запретным дымом. Вскоре небольшая квартира утонула в табачном тумане.

Вернувшийся глубоко за полночь Мишель наше застолье не одобрил. Даже в сигаретном дыму было заметно недовольство на его лице. Но отчитывать нас Мишель не стал, не до того.

С собой он привёл какого-то парня. Нам показалось, что перед нами стоит брат-близнец Мишеля, вернее, его двойник: та же кожаная куртка, коротко стриженные волосы, один рост и худощавость. Конечно, черты лица не совпадали. Особенно взгляд: затравленный, который бывает у ягнёнка перед бойней, в противоположность решительному взору Мишеля. А если присмотреться, то разницу выдавали разбитые губы и свежие кровоподтёки на лице. Но сходство несомненно.

Мишель не стал объяснять, кто этот тип, просто пристегнул его наручниками в ванной. А нам приказал не гневить Творца и ложиться спать. Мы послушно растелили свои матрасы и улеглись на полу. Я и без объяснений Мишеля понял его замысел с двойником, и вплоть до самого утра пытался придумать, что делать с этим неучтённым фактором.

Мы проснулись с первыми криками мульты. После утреннего намаза все по очереди приняли душ и принялись за кофе. Странный двойник сидел за столом, обречённо разглядывая нас. Его лицо опухло не столько от гематом, сколько от непрекращающегося за ночь плача. Мы старались не обращать внимания на этого неудачника.

Во дворе стоял белый фургон. Как я и ожидал, Мишель не сел с нами, а за-

толкал в машину двойника. Куда мы едем, знал только водитель. По приезде его следовало отпустить, а дальше действовать согласно плану. Что делать с двойником, Мишель не сказал, видимо, счёл очевидным. За закрытыми дверьми фургона двойник подавленно смотрел на нас, но заговорить боялся.

Так же недружелюбно смотрел на пять страшных и одну помятую рожу полицейский на выезде с беспокойного района. Здесь недолго любили «исламский сброд», резонно считая его виновником большинства беспорядков. Наш фургон был чист: ни бомб, ни гранат, только у водилы перочинный ножик. Но всё равно что-то тревожило полисменов.

— А с этим что? — указал полисмен стволом «узи» на побитого парня.

— Пить не умеет, — ответил Марк, словно извиняясь за младшего брата.

— Да, у нас — не у вас. С непривычки можно и опозориться, — понимающе усмехнулся полисмен; видимо, гордился легализацией алкоголя в Британии.

Марк понимающе кивнул и отвесил смачную затрещину бледному двойнику. Тот лишь тихо заскулил. Наверное, подзатыльник лишил его последней храбрости для обращения к полисмену-спасителю. Двери фургона закрылись, и мы двинули к центру города.

На складе, адрес которого знал только Мишель и везущий нас водила, мы должны были забрать пояса со взрывчаткой, потом надеть их под куртки и войти в оживлённые вагоны метро. В самый час пик, когда невыспавшиеся британцы спешат на работу. А дальше просто нажать маленькую кнопку. Уверен, что для многих в электричке это стало бы таким же освобождением, как и для нас.

Наш фургон остановился посреди контейнеров для дальней перевозки грузов. Водила ещё раз сверил номера на оставленной Мишелем бумажке, после чего заглушил мотор.

— Приехали, — буркнул он. Через секунду его голова дёрнулась. Красные ошметки полетели на лобовое стекло. Тело покачнулось и упало на руль. Завыл протяжный клаксон.

У двойника не выдержали нервы. Он что-то нечленораздельно прокричал и бросился из фургона. Его никто не держал, тем более прямых указаний от Мишеля мы не получали, дверь фургона не запирали. Парень вылетел наружу, но не успел сделать и нескольких шагов. Его голова тоже резко качнулась, и тело упало на асфальт. Судя по всему, работал снайпер.

Ребята, смекнув, что к чему, не сговариваясь, сложили руки за головой. Даже без приказа появившегося спецназа в касках и бронежилетах. Безоружные, мы всё равно не могли им сопротивляться. Не ножом же покойного водилы? Спецназовцы грубо выволокли нас из фургона, не забывая бить ногами, и уложили мордами в асфальт рядом с лужей крови из тела двойника. После обыска нас затолкали в бронированные полицейские машины. Каждого в свою.

— Один ушёл! — чуть не орал я, когда дверь закрылась.

— Успокойся! Главное, мы твоего бешеного грохнули. Да и боезапас взяли, — майор Бламп был доволен ходом операции, на которую я потратил год жизни.

— Вы завалили не Мишеля, а его двойника! — У меня были самые недобрые предчувствия. — И водилу зря грохнули!

— Мы не могли рисковать, — ответил майор, мысленно получая награду за поимку террористов. — А что про двойника не предупредил?

Я хотел сообщить, что двойник объявился уже после звонка, но тут в дверь постучали.

— Майор Бламп... — лицо потревожившего нас офицера было бледным, с оттенком зеленцы, которой позавидовали бы давние утопленники. — У нас проблемы...

Пока мы разглядывали картонные ящики, в которых лежали не пояса шахидов,

а обычный пенопласт, Мишель вышел из вагона метро. После этой остановки электричка неслась по эстакаде, прямо над оживлённой магистралью.

Рыжий смотрел на эстакаду, но тут заметил, что за ним наблюдает девочка лет шести. Она и сама следила за электричкой в ожидании отлучившейся мамы, но теперь её внимание привлёк интересный дядька. Ей было скучно.

Мишель улыбнулся, подходя к девочке. Та не испугалась странного незнакомца и улыбнулась в ответ.

– Хочешь, фокус покажу? – предложил Мишель.

– Какой? – разрывалась девочка между запретом на разговоры с незнакомцами и обязанностью быть вежливой со взрослыми.

Мишель достал продолговатую ручку с кнопкой на конце и передал её девочке. Тем временем мама заметила незнакомца, пристающего к её чаду, и поспешила к ним.

– Ты умеешь считать до десяти? – спросил Мишель, ничуть не пугаясь приближения мамы. Девочка утвердительно кивнула. – Тогда начинай, а потом нажмёшь кнопку. Будет красиво. Обещаю.

Девочка ещё раз утвердительно кивнула и принялась отсчитывать десятку. Обеспокоенную маму Мишель встретил извиняющейся улыбкой, вежливо поклонился, и поспешил к выходу со станции. Когда мать обратила внимание на странную ручку в руках дочери, та продолжала считать:

– Восемь, девять, десять... – и нажала кнопку.

Один из вагонов электрички озарила яркая вспышка. Раздался грохот. Взрыв дёрнул весь состав. Электричка, как толстая змея на ветке, не удержалась на эстакаде. Груды железа, наполненные людьми, падали на магистраль с двадцатиметровой высоты. Скрежет металла смешался с криками людей и воющих внизу клаксонов. Густой чёрный дым накрыл возвышающуюся станцию...

Я знаю эти подробности, поскольку неоднократно опрашивал и девочку, в чьи руки Мишель вложил детонатор, и её мать, и ещё сотни свидетелей, выживших, родственников погибших в том теракте. Легенду своего личного конца света я знаю во всех деталях.

Поезд «Вильнюс – Москва».

Два часа до Подвига

Жизнь – как огромный поезд: как бы ни старался, сколько б ни стоил билет, всё равно ехать неудобно. А самое главное, чешет этот поезд без оглядки на чьё-либо хотение. Не остановишь, не развернёшь. Можно, конечно, сойти, но тут как повезёт.

Вон ребятам за окном не повезло. На поводках у вооружённых автоматами таможенников злые овчарки. Лают на троих бедняг, исходят слюной, рвут ошейник. Не жалеют собаки глотки, проявляя служебное рвение. На их лай сбежались торговцы, сотрудники вокзала, хронические командировочные и гости Эмиратов.

Когда таможенники удовлетворились количеством публики, началась основная часть шоу. Один из них поднимал жёлтые листы билетов и что-то выкрикивал. Так он называл номера рейсов, на которых задержали контрабандистов, подчёркивая, что поймали бедолаг всего пару часов назад. После таможенник достал из стоящей рядом сумки четыре литра белой жидкости.

Всего четыре литра спирта на троих. Не шибко-то и много, чтобы так попасть. Но дураков, желающих подзаработать, всегда хватало. Таможенник открывал по очереди бутылки и выливал жидкость на головы бедняг. Те плакали, молили о пощаде, один даже обмочился. Бесполезно. В Европейских Эмиратах с алкоголем строго.

Казалось, сейчас таможенник достанет сигарету, подкурит, а спичку швырнёт в контрабандистов, как в старом кино. И будут те гореть стогами сена, навевая ужас на гостей и жителей Эмиратов. Вот

только табак здесь тоже запрещён. Поэтому таможенник не поджёт бедолаг, а позвал своего коллегу, и тот расстрелял контрабандистов. Спокойно, даже как-то буднично. И от этого стало ещё более жутко, чем от пылающих стогов.

Мой сосед нервно сглотнул. Его лицо выражало не ужас, а некую брезгливость, даже раздражение. Судя по лопнувшим капиллярам на носу, с алкоголем он был знаком не понаслышке. Скоро поезд въедет в Россию, где алкоголь легален, потому в вагоне-ресторане было оживлённо. За одним из столиков расположились возвращавшиеся с соревнований спортсмены, чтоб отметить то ли победу, то ли поражение. Рядом нервная мамаша постоянно одёргивала дочь, играющую с рыжим плюшевым медведем; в руках дама мучила пачку сигарет. А напротив меня сидел мой попутчик по купе: седоватый то ли дипломат, то ли бизнесмен. Больше всего он хотел выпить; видно, что с Эмиратами он прощался, как с кошмарным сном.

Наш поезд задержали не случайно. В отличие от Христианского Союза, Европейские Эмираты с Россией войну не веля, хоть эти отношения и не назовёшь дружескими. Попытки контрабанды из России сигарет и алкоголя на территорию Эмиратов предпринимались регулярно. Эмиры боролись с этим, как могли.

В Европе виноделие и самогонование искоренили быстро: ввели смертную казнь по упрощённой схеме судопроизводства, то есть на месте, по факту обнаружения. Это же относилось и к контрабандистам. Но некоторые решались на риск. Причиной такого безрассудства стал голод в воюющей с Китаем России. Ведь какая к бесу разница, расстреляют за дезертирство или за контрабанду? Всё быстрее, чем от голода пухнуть.

Но по убранству вагона-ресторана в поезде «Вильнюс-Москва» сразу и не скажешь, что в России голод: кожаные диванчики, изящные шторы, плазменный

телевизор на стене. Бизнес-класс, одним словом. Да и сосед, несмотря на признаки хронического алкоголизма, явно финансово не стеснён.

Мои надежды оправдались: поезд начал неспешный ход сразу же после казни. На перроне нерасторопный пассажир с клетчатым саквояжем пытался добежать до отходящего состава. Проводники буквально на руках втащили опоздавшего в вагон. Разумеется, у него был самый настоящий билет и паспорт. Только откуда пассажир знал, что поезд задержат?

Мишеля я узнал по хромоте. После Бирмингема (175 чел.) прогремел взрыв в Лондонской подземке (61 чел.); потом смертники на Ратушной площади в Копенгагене в сочельник (208 чел.). Там же Мишель попал в паническую давку — его ногу собирали буквально по частям. Но пока я добрался до Дании, Мишель сбежал из больницы. Последний раз рыжий засветился в Милане: итальянцы осмелились на митинги за легализацию вина. Несколько автомобилей, начинённых взрывчаткой, рванули возле пикетирующих (44 чел.) — это охладило пыл протестующих.

Конечно, Мишель никогда не действовал от имени эмиров. Все его Подвиги приписывали радикальной террористической группировке, по-своему защищающей слово Пророка. Хотя для меня, прошедшего Хафиз Иман, государственная поддержка Мишеля была очевидной.

Но уточнить кое-что не помешало бы, жаль, Мишель обычно убирался с места Подвига ещё до моего прибытия. Мы впервые были столь близко друг от друга после Бирмингема. Причиной этому опять стала международная политика: напряжение между Россией и Эмиратами росло. Не в последнюю очередь сказывались скорые казни россиян на таможнях. Обозлённые войной русские требовали жёсткого ответа на исламский беспредел. Появление Мишеля-устрашителя оказалось лишь вопросом времени. Мне пришлось основательно

разобраться в хитросплетениях железнодорожного документооборота, который после падения информационных систем вернулся к надёжной бумаге, но теперь я даже знал купе, в котором едет мой враг.

Мишель расположился в четвёртом вагоне, в середине состава. Зная методы диверсионной работы Мишеля, тот должен был взорвать бомбу на полном ходу, чтоб пустить под откос и остальные вагоны. Правда, в школе нас учили умирать на месте Подвига, но Мишель не спешил к Создателю. Рыжему придётся передать кому-то детонатор, ведь можно рассчитывать лишь на короткое расстояние радиопередатчика. Простака, который нажмёт кнопку, Мишель наверняка угостит запретным алкоголем, чтобы ослабить бдительность. Я бы и сам так сделал, поэтому ждал француза в вагоне-ресторане.

— Границу пересечём — я вас водочкой с икоркой угощу, — предложил сосед. — Вы таких ещё не пробовали!

— Спасибо, я не пью, — отказался я, — чту слово Пророка.

Запойное лицо пассажира скривила гримаса неприязни. Меня раздражало мнение русских, что все европейцы по-старинке хотят нажраться в хлам и лишь злые арабы им мешают. Русские мне напоминали детей: будто что-то их обязывало нарушать запреты. Может, и в самоубийственной контрабанде главным был риск, а не нажива?

Судя по тому, как засуетился официант, мы находились на территории России.

— Триста грамм лучшей водки, икорки и огурчиков, — русский подмигнул мне. — И интересный журнал.

— Мне тоже свежую газету и кофе, — решил развлечь я себя. Не напиваться же с попутчиком.

— Русскую или эмиратскую? — спросил официант.

— Русскую, конечно, — за меня ответил сосед. — Пусть почитает, как люди живут и воюют. Небось, у вас про нас такое пишут...

«Интересным» журналом оказался глянец, на обложке которого девчонки вытворяли такое... Одно только хранение доэмирского порно в Европе каралось кастрированием, а за новое вообще расстреливали. Русский улыбнулся, наливая водку в две рюмки, как бы показывая, как хороша жизнь в России.

— Ещё раз предложите мне выпить, и я расценю это как оскорбление, — осадил я щедрого русского.

— Да понял я, понял, — примирительно махнул рукой попутчик и уткнулся в свой журнал.

За один из столиков сел молодой парень с двумя блондинками, похоже, скандинавками. Кроме вина и шоколада, парень попросил у официанта несколько столовых приборов, которые никак не вязались с заказом. Они послужили реквизитом для нехитрых фокусов: вилки вертелись на зубочистке, исчезла солонка, порванная салфетка становилось целой. На блондинок трюки производили впечатление настоящей магии. Да, Мишель был бесподобен!

Когда в его руках появилась автоматическая ручка, то я насторожился.

— Фокус называется чудо-телефон, — втирал Мишель блондинкам. — Обыкновенная ручка, попробуй.

Подруга несколько раз нажала на кнопку. Стержень привычно появился и пропал. Ничего необычного.

— И у меня ручка. — Мишель вытянул из кармана ещё одну. — Я скоро буду сходить, вы же подождёте две минуты и позвоните мне. А я вам отвечу. Обещаю.

Мишель заулыбался и поднёс ручку к уху, как старый мобильник. Девушки заржали, не веря фокуснику. А вот я в фокус Мишеля верил, как никто. Поэтому и достал свою ручку, подходя к столику троицы. Я выхватил детонатор в тот момент, когда его передавали девушке.

— Может, воспользуетесь моей? — Я направил дуло своей ручки прямо в лицо Мишелю. Именно дуло, поскольку из отвер-

ствия вылетал не стержень, а ядовитый шип. Пронести другое оружие в поезд я не мог.

Но Мишель тоже знал, что это за ручка, поэтому не стал страдать героизмом при девчонках. Я решил разобраться в своём купе, тем более что попутчик бухал в ресторане. В первую очередь мы забрали чемодан из купе Мишеля, мне было так спокойнее. Пробираясь по узким коридорам, я не удержался от вопроса.

— Ты знал, что среди нас предатель, или перестраховывался?

Мишель неопределённо пожал плечами. Если бы у меня был пистолет, а не ручка, то я вклеил бы ему затрецину рукоятью. Его спокойствие меня раздражало.

— Урод, что бы изменилось, если бы мы все были чистыми? — Если Мишель промолчит, то я тресну его по затылку кулаком. Для разговорчивости.

— Я бы не дал девочке детонатор.

— Что?! — я не сразу осознал сказанное.

— Я бы нажал на кнопку сам, — буднично пояснил Мишель. Я пытался держать себя в руках, подавляя ярость.

— А если бы бабы, которым ты впаривал детонатор, взорвали бы бомбу, пока ты ещё в поезде?

— На всё воля Творца! Но бомбу надо активировать, — улыбнулся Мишель. — Хорошо, что мы вернулись за ней. И активировали...

Мишель потряс саквояжем. Я был готов застрелить его прямо в проходе, а потом затащить тело и чемодан в купе. Наверное, это было самым правильным решением, но я не успел.

— О, мужики, пошлите со мной выпьем! — Это звал мой пьяный попутчик с порнографическим журналом в руке.

Я развернулся, чтобы послать русского, но тот достал пистолет из-под глянца. Смотрящее на меня дуло рекомендовало не делать глупостей.

— Пройдёмте в вагон-ресторан. Я угощаю! — Несмотря на задорный тон, русский был абсолютно трезв.

Вагон-ресторан был пуст. Люди покидали его в спешке. На столах остались недопитая водка и недоеденные салаты. Даже сумки и детские игрушки лежали на сиденьях. Нас ожидало ещё двое хмурых типов, наверняка агентов КГБ, иначе как бы они пронесли оружие в поезд.

— Мы сотрудники КГБ, и нам известно, что вы исламские террористы, — подтвердил мои догадки попутчик. — Попрошу без шуток!

Не знаю, как они расценили то, что один террорист конвоирует другого, но меня прорвало.

— Какие шутки?! — Я себя не контролировал. — Я агент МИ-6! На счету этого террориста полтысячи трупов! В чемодане взрывчатка! Останавливайте поезд! Эвакуируйте пассажиров! Вызывайте сапёров! Отцепите вагон от состава!

Русские были удивлены моей экспрессией, но этим замешательством воспользовался Мишель. Он резко развернулся и бросил мне в лицо горсть соли. Террорист проскочил мимо меня, подлез под руку моему «попутчику» и выбил пистолет из его рук. Русский успел выстрелить, но лишь разбил окно. А ведь целился-то в меня!

Двое других кэгэбэшников открыли стрельбу по Мишелю. Француз огрызнулся в ответ из пистолета попутчика. Я оказался под перекрёстным огнём. Мне ничего не оставалось, как выпрыгнуть через разбитое окно, зажав в руке заветный детонатор.

Тело ударилось о гравий возле железнодорожных путей. Я успел заметить, что остальные вагоны отстают от нашего. Значит, поверили русские, отцепили вагон от основного состава, перестраховались. Не зная исхода перестрелки, я не мог рисковать, поэтому нажал кнопку: взрывная волна тащила меня по земле...

Преодолевая боль, я смотрел на металлическую балку. Она возвышалась демонично, вырвавшимся из заточения и требующим человеческих жертв.

Но люди не спешили на пожарище. Они выходили из своих вагонов, что-то крича-

ли, перебарывая страх. Несколько далёких фигур всё же бежали ко мне, но я не был рад встрече. Было бы трудно объяснить им, чем мой Подвиг отличался от Подвига Мишеля и почему при этом погибли русские. Я думаю, что за этих ребят я отвечу перед Соз-

дателем отдельно, а вот попасть на допрос к придирчивым кэгэбэшникам не хотелось.

До прибытия поисковых бригад с вертолётами и собаками оставалось ещё часа два. Этого времени вполне хватало, чтобы затеряться в окружающих меня лесах.

Олег Давыдов

К мечте — на всех парах

«Ищущие — да обрящут!»

От редакции: В этом мире поезда набирают астральные скорости и проходят опасные барьеры, путь железнодорожным составам прокладывают навигаторы, а движут их зверьки-углежоры. А люди... люди, как обычно, стремятся к своей мечте.

Глава 1

Человек в сером шерстяном плаще с капюшоном вышел на полузаброшенную станцию Молодечно. Видавшие виды сапоги со стоптанными подошвами лениво месили песок и гравий, оставшиеся от некогда бетонной платформы. Дойдя до семафора, он откинул капюшон и с наслаждением втянул разливающийся вокруг аромат цветущего вереска. Сразу стали видны русые вихры и молодое веснушчатое лицо. Единственное, что выбивалось из общей картины, — это цепкие серо-стальные глаза. Присущее им выражение холодного оценивания сразу выдавало члена Гильдии Штурманов. Если оставить в покое глаза, то имелся ещё ряд немаловажных деталей, которые позволяли отнести его к навигаторам: прикреплённая к котомке клетка с попискивающими мышами, планшет с картами и болтающийся на груди расчётный блок, собранный из микросхем и картриджей приставки «Денди».

Штурман возвращался после выполнения ряда контрактов на проводку лесовозов у короля Луки. Заработок, конечно, не обильный, но зато стабильный. Парень уже хотел отправиться домой, но вчераш-

нее происшествие внесло серьёзные коррективы в его дальнейшие планы. Когда он отмечал в баре полученный с контрактов заработок, то даже не заметил, как в его кармане очутилась странная визитка. Вот и сейчас штурман достал её и внимательно рассмотрел. Плотный картон с выдавленной на лицевой стороне серебристой молнией, а на обороте твёрдым, почти печатным почерком было выведено: «Жду возле станции Молодечно в 15:00. С наилучшими пожеланиями. Капитан Немо». Молодой навигатор много слышал про знаменитую «Молнию» и её таинственного капитана, но находил все циркулирующие слухи о них преувеличенными и относил это явление к железнодорожным легендам. Теперь этот миф внезапно материализовался, пробудив у парня давно уснувшее любопытство.

Когда ожидание затянулось и штурман подумал, что угодил в очередной дурацкий розыгрыш, внезапно пришло ощущение приближающегося поезда. Сначала внутри зародилась мерная вибрация перестука колёс, затем по рельсам пробежали всполохи электрических разрядов, подул холодный и резкий ветер. Мимо промелькнули еле заметные для обычного глаза фантомные тени состава. Вне всякого сомнения — приближалась «Молния». Но, похоже, она даже не намеревалась сходить с Призрачного Пути!

— Они рехнулись — прямо здесь тормозить?! — парень вприпрыжку бросился за насыпь. И вовремя: яркая вспышка света совпала с диким скрежетом тормозов. Повсюду, насколько хватало взора, горел вереск. Пошёл снег. Когда стихли последние волны перехода, штурман рискнул высунуть голову из укрытия. «Молния» была прекрасна. Парень повидал много поездов на своем веку, но ни один не мог сравниться с этим произведением искусства. Плавные линии парового котла, изогнутая назад труба, хромированные зеркала отражателей — казалось, каждая деталь кричала только об одном: «Скорость!».

Да, он был создан для невероятных, почти запредельных скоростей. Штурман испытал острое желание очутиться внутри этого совершенства. Он вскочил и побежал к этой овеществлённой мечте, похожей на мираж, колеблющийся в дымке испарений. Заиндевший люк паровоза открылся после нескольких сильных ударов изнутри, и в проёме показалась рыжая девушка.

— Ты Лис?! — прокричала она, перекрывая свист пара.

— Да, это я! — вспомнил свою мирскую кличку парень.

— Старпом Вероника! Добро пожаловать на «Молнию!» — и она протянула ему руку, помогая забраться по откинутой металлической лесенке.

Так штурман попал на поезд своей мечты.

Глава 2

— Прости, что так резко затормозили. У нас на хвосте два «дизельника» пензенских сектантов.

Паровоз дрогнул и тронулся с места.

— Секта? Чем это вы им не угодили? — В своё время штурман работал на них и знал, что с этими фанатиками лучше не связываться.

— А мы почём знаем? — фыркнула Вероника. — Останавливаться и спрашивать нет никакого желания.

Только сейчас Лис заметил один существенный недостаток на хорошеньком лице старпома — закрывшее левый глаз огромное бельмо.

Вероника провела его в тесную кают-компанию, где возле стола над картами и схемами склонились высшие чины «Молнии».

— Вот этот здоровенный бугай в шрамах — боцман Борис, можно просто дядя Боря. Видишь того худощавого дрыща? Это наш главный и единственный системщик — Макс. Гений в своём роде. А это маленькое мохнатое недоразумение — Би-бу. Он старший у углехжоров, — представила команду девушка.

Штурмана впервые познакомили с углём, так как на всех поездах они были самой низшей кастой. Поэтому протянутую миниатюрную лапку он жать не стал, ограничившись кивком.

— А это, как ты уже знаешь, наш старпом и по совместительству инженер-механик «Молнии», — подала голос замотанная в бесцветные тряпки угловатая фигура из затенённого угла, указывая неестественно длинной конечностью на Веронику.

— Вы, как я понимаю, капитан Немо? — спросил навигатор.

— Почему Лис? — проигнорировала заданный вопрос таинственная личность.

— Я ещё не настолько опытный штурман, чтобы делать мгновенный расчёт трёх подсистем Вернера в плоскость астралоэклиптики. Но у меня очень развито чутьё — любую аномалию чувствую за версту, что позволяет заранее просчитывать траекторию и избегать опасности.

— Лис-лис, хитрый лис... — у капитана был какой-то странный голос, с вибрирующими и жужжащими модуляциями. — Как думаешь, дядя Боря — попадёт ли лиса в рай?

— Сомневаюсь, — усмехнулся боцман. — Хитрость доведет её до порога, но осторожность не даст переступить через него. — Пусть ведёт до входа. Больше нам и не требуется. И ещё один вопрос — ты верующий?

— Странный допрос, — возмутился штурман и указал на крестик, висящий на шее у Вероники. — Похоже, её вера вас не беспокоит?

— Веронику мы знаем давно, она проектировала «Молнию», а ты для нас человек новый. Экسسсы нам не нужны.

— Ну, когда припрёт — мы все верующие. — Лис вспомнил про свой крестик и иконку в котомке.

— Констатируем — умеренно верующий. Добро пожаловать на «Молнию!» — Немо протянул из темноты навигатору руку...

Это была железная клешня!

— Рухлядь! — вскрикнул штурман и невольно отстранился.

Капитан скинул окутывающие его тряпки и предстал перед парнем в своём истинном виде — нелепое человекоподобное нагромождение металлолома, опутанное бесчисленными проводами и шлангами.

— Хочешь сойти?

Лис вспомнил пензенских сектантов, мутантов Припяти и Призрачный народ Зеленограда, подумал и отрицательно покачал головой:

— Но как навигатору, мне надо знать конечный пункт маршрута.

— Вот, наш человек! — капитан подошел к расстеленной на столе карте. — Скажем так: мы движемся в сторону Екатеринбурга.

— Я согласен на контракт — нам по пути.

— Ты с нами только до города? — осведомилась Вероника.

— А куда еще? Это же Конечная Станция! Далее только Барьер и Вселенская Пустота!

— Вот мы туда, во Вселенскую Пустоту. В нирвану, так сказать... — усмехнулся Немо.

Если бы Лис имел чувство юмора, то на этом моменте обязательно рассмеялся. Внимательно оглядев лица присутствующих, штурман понял, что шутками здесь не пахнет, и ледяным тоном осведомился:

— Конечная цель маршрута?

Капитан подался вперёд, скрипнув ржавеющими сочленениями, и тихим голосом произнёс:

— Владивосток.

— Все понятно. Высадите меня на Конечной Станции. Заплатите половину гонорара.

— Представь, если бы он был не «умеренно верующим»? — хохотнул боцман.

— Всего лишь набросился бы на меня с криком: «Антихрист!» — Немо прислушался к стуку колёс по рельсам. — Тревога по плану «В»! У нас гости! Ну что, попутный Лис, вперёд — отрабатывай остановку, во время которой мы подобрали тебя!

Штурман протиснулся в рулевую рубку паровоза, где место за штурвалом уже заняла Вероника.

— Ты у нас ещё и рулевой? — удивился Лис.

— Когда как, — коротко ответила девушка. — Приготовься к переходу на Призрачный Путь — нас догоняют те самые два «дизельника».

Штурман связался с системщиком:

— Перебрось мне все доступные расчётные модули на угловую атаку... Э, не так быстро — мой блок сгорит!

— Хреновый, значит...

— Поговори мне ещё! Какой ни есть — я с ним всякое прошёл! — навигатор забегал пальцами по кнопкам джойстика. — Верификация от столбовой оси — пара градусов!

Сверившись с картой, он крикнул старшему:

— В точке 56-78 дай ускорение, и уходим на первую астральную скорость!

— Не учи учёного! — огрызнулась Вероника.

По паровозу поползли искры разрядов, мир вокруг стал сереть, лишаясь красок. Мелькающее впереди железнодорожное полотно раздвоилось, а затем растроилось альтернативными ветками. Лис приник к перископу задней полусферы и увидел приближающихся сектантов, вернее, пока ещё только искрящиеся силуэты их поездов.

Когда-то, ещё до Великой Техногенной Катастрофы, они были обычными чудачками, лежащими в пещерах под Пензой в ожидании Конца Света. Когда он-таки наступил, сектанты внезапно приобрели большое влияние и организовали Церковь Свидетелей Начала. Теперь это была могущественная организация, бросившая вызов самой РПЦ.

Запахло машинным маслом: на мостике появился капитан.

— В принципе, мы можем от них уйти, но потом придётся тащить их за собой до самого Екатеринбурга. Поэтому сыграем с ними в кошки-мышки. Тепловозы хороши для марафонов, но не для разгонов. Как думаешь, Лис, у них хорошие штурманы? — Судя по тому, что их составы идут в одном потоке — они либо матёрые профессионалы, либо клинические идиоты.

— Будем надеяться на второй вариант.

Тепловозы обошли «Молнию» с двух сторон, беря её в клещи альтернативных путей.

— Переходим на третью астральную! — скомандовал Немо. Удар перехода швырнул всех назад. Мир вокруг стал темнеть. Один из «дизельников» не успел словить момент скачка и локомотив наполовину превратился в ледяную глыбу. Щёлкнули «сорокопятки» по бокам «Молнии», и корпус тепловоза брызнул заиндевевшей металлической крошкой, рассыпаясь на ходу.

— Один готов! Плоховато у них с синхронизацией! Тормози до второй, уходим вправо по шкале сопротивления антиматерии! Расчёты на скачок до четвёртой, с поправкой на кинетическую глассидаду — быстро!

Навигатор вспотел, едва поспевая за указаниями капитана, выдавая целые серии быстро меняющихся координат и анализ попутных альтернатив. Это был поистине прекрасный и жуткий танец смерти — оба экспресса шли в одной плоскости вероятности, которую никто не мог оставить без фатальных последствий. Наконец тепловоз противника вспыхнул ярким фиолетовым светом, и его силуэт начал растворяться в воздухе.

— Кажется, мы вогнали их в петлю Брюма, — сообщил Немо. — Вот кто теперь действительно отправился бесконечно странствовать в пустоте... Абордажные команды — отбой!

— Погибшим экипажам — честь отдать! — проорал боцман в коммутатор. Все на «Молнии» вытянулись по стойке «мирно», салютуя вставшим на Вечный Путь.

Лис вышел в тамбур отдышаться, как вдруг сверху свесилась патлатая старческая голова.

– Закурить не найдётся? – спросила она и, не дождавшись ответа от впавшего в ступор штурмана, втянулась обратно.

– Это кто у вас там по крыше лазает? – остановил Лис проходившего мимо Макса.

– Не обращай внимания, это наш юродивый.

– И что он делает наверху?

– Чертит формулы. Весь паровоз ими покрывает, потом стирает и снова корябает. Ищет какой-то математический абсолют, – системщик усмехнулся. – Бред, конечно, но скорость «Молнии» увеличивает на десять процентов.

Навигатор покачал головой и отправился к себе в каюту.

Глава 4

В Екатеринбург «Молния» прибыла через три дня. Штурман вошёл в каюту капитана, заставленную стеллажами с бесчисленными книгами.

– О! Хитрый Лис пришёл за своим куском курятины. – Немо отвлёкся от чтения и кинул навигатору увесистый кошель. – Держи, отработал. Что-то ещё?

– Ты знаешь, о чём я. – Навигатор начал потихоньку накаляться. – Вы тут корчите из себя убеждённых идиотов, перебрасываетесь малопонятными фразами... Карты, за которые любой уважающий себя штурман, не глядя, отдаст правую руку. И после этого ты хочешь, чтобы Лис развернулся и ушёл?!

– Ты веришь в невозможное? – внезапно спросил капитан.

– Нет, я не верю во Владивосток, райские кущи, в существование жизни за Барьером...

– А в человеческий разум?

– Сложно сказать. Ведь именно он привёл нас к крушению.

– То, что для тебя катастрофа, для меня лишь продолжение вселенной во всём её

многообразии. Ты знаешь, что рухляди начали спонтанно образовываться именно после той аварии на квантовом разгоннике, что схлопнул наш мир. Возможно, я могу существовать как личность только в нашем пространстве, полном аномалий...

– Тогда зачем ты ищешь выход из него?

– Назови это мечтой. Мечтой о лучшем из возможных миров. Что ожидает нас здесь? Грабёж товарняков, охрана конвоев, бесконечные войны и интриги ограниченных людишек? Это все мелко. А вот если мы прорвём Барьер, то не только раздвинем границы изведенного пространства, но и дадим перспективу загнивающему человечеству.

– Меня устраивает моя жизнь.

– Ну да. Это пока всего хватает. Но как только кончатся города-призраки, кончимся и мы – потому как сами ничего не умеем и живём остатками великой цивилизации прошлого. Я прочёл множество книг и знаю, что двигало тем миром – великая жажда познания!

– К чему она привела, мы тоже знаем, – съехидничал парень.

– Когда ребёнок начинает ходить, он часто падает. Иногда расшибается в кровь. Но никто не запрещает ему ходить на этом основании. В общем – решай. Я выбрал тебя из всех штурманов не просто так. Мне нужен интуит, который проведёт меня по нехоженым тропам напрямик к воротам рая. Попасть во Владивосток – это моя мечта. А у тебя есть заветные желания?

– В молодости очень хотел прокатиться на подобном паровозе, – грустно ответил Лис. – Так что теперь даже не знаю...

– Срочно придумай себе новую мечту. Человек без цели – животное. – Немо встал и протянул навигатору свою клешню. – Так ты с нами или нет?

Штурман подошёл к развешенной на стене карте «Железные дороги СССР», снял её и засунул к себе в планшет.

– Теперь да.

– Наш человек!

На выходе парень столкнулся с весёлой Вероникой.

– Ну как, любопытство лисицы пересилило её осторожность?

– Не дави на больное...

– Это же твой родной город? – потянула его за рукав девушка.

– Не совсем. Живу в деревеньке неподалёку от магистрали – далеко от железной дороги никто не селится, ты же знаешь...

– Пойдём в привокзальное кафе – страсть как хочу мороженого! Кто знает, когда вернёмся.

– Если вернёмся, – съязвил штурман, но всё-таки направился за старпомом к выходу. Почти возле самого люка его поймал Макс и вручил КПК с сенсорным дисплеем.

– Вот, возьми. Всё лучше твоей «восьмибитки». Все необходимые программы уже туда скинул.

– Ого! Не думал, что такие ещё можно достать! Большущее спасибо!

– Не за что. Жить всем охота – а тебе курс прокладывать. – Тут системщик посерьёзnel. – И ещё – если ты Веронику чем-нибудь обидишь, мы тебя всем экипажем...

– Не беспокойся, я больше боюсь в этом отношении Кодекса Штурманов, нежели ваших кулаков, – с этими словами навигатор спрыгнул на оживлённый перрон.

Мороженое действительно оказалось очень вкусным.

– Скажи, ведь это не твоё настоящее имя? – спросила девушка, облизывая ложку.

– Лис? Кличка. Настоящее имя я говорить не вправе – оно принадлежит гильдии.

– Значит, ты сирота.

– Да. Дом заколочен. Собака у соседа. Редко там появляюсь – всю жизнь в пути. Ваш капитан знал, кого брать.

– Везёт, а у меня целая прорва спиногрызов в лице братьев и сестёр. Правда, многие уже подросли и вполне себе помогают в депо.

– А ты действительно сама спроектировала и построила «Молнию»?

– О да! Дело всей моей жизни! – глаза старпома зажглись нездоровым блеском.

– То есть – это была твоя мечта? – уточнил парень. – А сейчас что у тебя за цель в жизни?

– Узнать границы возможного для моего детища. Знаешь, когда вся конструкция дрожит на пределе, но выдерживает... Это такой экстаз! – девушка мечтательно закатила глаза.

– Понятно, меня угораздило попасть в общество фанатиков... – обречённо констатировал Лис.

– Смотри! – прервала его Вероника. – «Георгий Победоносец»!

На запасной путь действительно вырливал бронепоезд РПЦ.

– Похоже, это по нашу душу. Хорошо, что не «Архангел Михаил»! – перекрестился штурман.

– Ты зря их недооцениваешь, – старпом протянула ему искривлённое стёклышко. – Глянь на церковников через него.

– Что за... – изумился Лис, заметив плавающие контуры. – Там внутри ещё один паровоз?!

– Настоящий шедевр, так называемая «астральная матрёшка». Состав внутри бронепоезда строили на первой астральной и закольцевали по спирали Глоуба. Теперь они связаны перекрёстными решетчатыми подструктурами. Представляешь, сколько угля они сожгли? Эх, мне бы хоть капельку этих ресурсов, я бы развернулась! – завистливо простонала девушка.

– Представляю, какую скорость эта конструкция может выдать на Призрачном Пути, и мне всё меньше хочется с ними столкнуться.

– Обижает, мою «Молнию» никто не переплюнет! – оскорбилась Вероника.

– Блаженны верующие...

Тем временем из «Георгия Победоносца» на перрон сошёл капитан-иерей и напра-

вился к их поезду в сопровождении вооружённых монахов.

— Кажется, будут переговоры, — заключил Лис.

— Доедай своё мороженое быстро — ничего не будет! — заторопила его старпом. — Стоит только святому отцу увидеть нашу ружьядь, как вся проповедь моментом иссякнет! Ну вот, что я говорила! Они кинулись к «Молнии», которая уже разводила пары, но девушка вдруг свернула в сторону и побежала вслед иерею.

— Стой, ты куда? — крикнул штурман, но увидел, что Вероника просто встала на колени перед священником, поцеловала ему руку и получила короткое благословение.

В паровоз она запрыгнула уже почти на ходу.

— Ну, ты даёшь! Я уже подумал, что дерзтировать захотела, — возмутился Лис. — Никогда не понимал женскую логику — завтра тебе, возможно, придётся стрелять в него, как во врага...

— Во-первых: завтра — это не сегодня. Во-вторых: тут — это вам не там. В-третьих — помощь высших сил никогда не помешает, особенно в таком деле, как наше.

— Вот и я о чём речь веду. Полная абстракция! — пожал плечами штурман и отправился в рубку.

Глава 5

До Барьера осталось совсем немного, как вдруг появился капитан и внёс поправки в курс:

— Держись этой отметки. Скорость увеличивайте по экспоненте. Когда пройдём Барьер, ставьте паруса — уголь будем экономить.

Когда он вышел, Лис повернулся к Веронике и недоумённо спросил:

— Это всё? Так буднично?

— А он тебе разве не говорил? Мы уже не раз пробивали Барьер. Точнее, то, что ты принимаешь за Барьер. На самом деле это только внешний слой «пузыря».

Штурман грязно выругался.

— Но расслабляться рано, особенно тебе. Первый прорыв всегда болезненный.

То, что пространство вокруг начало меняться, навигатор понял сразу. Возникло ощущение падения и заваливания на бок. Мелкая вибрация стала складываться в божественной красоты мелодию, от которой у парня непроизвольно потекли слёзы. Вспышка. Он маленьким ребёнком бежит по бесконечному цветочному полю. Вспышка. Он дряхлым стариком бредёт по бесконечному цветочному полю. Вспышка. Он гниющий труп, который лежит в бесконечном цветочном поле.

— Мама... — всхлипнул парень, и она пришла к нему, огромная и тёплая, заключив в объятия. Лис уткнулся лицом в её мягкую грудь и разрыдался.

— Ну-ну, тихо, тихо... — успокаивала его Вероника, глядя по вихрам. — Это ещё ничего. Вот второй слой — там будет круче. Так что готовься.

— Тревога! Зафиксирован выброс энергии на шесть часов! — раздался голос Макса из коммутатора. — На схлопывание туннеля не похоже, скидываю вам данные сенсоров!

Лис вскочил и бросился к расчётному блоку. Суммировав данные, он вывел на экран массу объекта излучения.

— Тоннаж плавает в двух значениях. Похоже, это «Георгий»...

Капитан ворвался в рубку:

— Откуда у них координаты наших маячков?! Похоже, кто-то сдал нас ещё в Екатеринбурге...

Железный манипулятор сомкнулся на шее старпома.

— Говори, когда тебя завербовали «чёрные рысы» из Отдела Инквизиции?!

— Успокойся, Немо — она не виновата! — штурман продолжал анализ данных. — Они шли с погашенными топками в нашем инверсионном следе. Использовали нас как таран и скакнули в свой первичный фантом. Я даже не знал, что такое возможно, пока не увидел...

— Значит, они идут в нашем поле вероятности? — уточнил капитан и мрачно добавил: — Хитрость погубила не одну лисицу, помни об этом.

— Абордажные команды — готовиться к штурму! — взревел боцманский голос.

«Георгий Победоносец» приближался, синхронизируясь с «Молнией». Выстрелили гарпуны, и по первым натянутым канатам заскользили монахи-воины. Состав наполнился лязгом клинков, так как от огнестрельного оружия на третьей астральной не было проку — пули летели медленно, как дохлые мухи.

Капитан выбрался на крышу паровоза, где его уже ждал иерей с пылающим клинком в руке.

— И поставил Господь у врат Эдема ангела с огненным мечом! — с усмешкой процитировал Немо. — Дешёвый спецэффект, не действующий на такую циничную рухлядь, как я. Но вот объясни мне такую вещь, поп. Сейчас мы за Барьером, что в корне расходится с церковными догматами, утверждающими отсутствие здесь пространства, времени и жизни. Как этот факт уживается с твоей верой?

— А кто тебе сказал, что мы живы? — священник осенил себя крестным знаменем. — Мы в Чистилище, на распутье. И я не дам уволочь в геенну огненную заблудшие души. Тебе не понять этого, голем!

— Я чувствую, мыслю — значит, я существую! — прокричал Немо.

— Я верю, значит, моя душа ещё жива! — ответил иерей.

— Кончаем софистику, пора практиковать! — клешня капитана разошлась, обнажая цепной меч.

Тяжёлой поступью он направился к церковнику. Тот достал золотой крест и выставил его вперёд: — Да не убоюсь я зла на пути своём...

Крест вспыхнул, и его сияние пронзило рухлядь. Запахло палёной проводкой.

— ...и верам моя, мне будет щитом...

Золото начало плавиться, стекая струйками по руке священника. Немо сделал

ещё несколько шагов и упал на колени, объятый синим пламенем.

— Тормози до первой астральной! — крикнул старпому Лис, наблюдавший за поединком в перископ.

— Их же размажет! А инерция бронепоезда порвет нас, как грелку, — мы же в связке идём!

— Кто тут похвалялся своей «Молнией»? Вот и проверим!

— Ну, смотри, Фома-неверующий! — оскланилась Вероника и ударила по тормозам.

Мир померк и сжался до маленькой точки. Корпус паровоза смялся, словно гармошка. Трубу скрутило спиралью. Внутри рубки всё ходило ходуном, трещали перекрытия, дым валил из приборов. Бронеплиты носовой части «Георгия Победоносца» вздулись и брызнули расплавленными ошметками, освобождая заключённый в них светящийся призрак поезда, мгновенно рассыпавшийся на тысячи искр.

Немо буквально вмяло инерционным ударом в крышу вагона. Священник остался стоять на месте, окутанный неземным сиянием. Его молитва дошла до пафосных высот:

— ...ибо Господь пастырь мой!

— Передай привет Создателю от бездушных тварей! — капитан, жужжа неисправными сервомоторами, выбрался из вмятины. — Надеюсь, он ждёт тебя...

Иерей недоуменно оглянулся и увидел своё изуродованное тело, размазанное по крыше вагона. Зажмурившись, он сжал крест побелевшими руками и отчаянно забормотал молитвы, постепенно тая в воздухе.

— А?! Съели?! Скушали полной ложкой! — зашлась в радостной истерике на полу Вероника. — Выдержала, поняли! Вот вам большие бюджеты! Вот вам классные специалисты!

— Вы мне всю аппаратуру сожгли, ироды! — раздался в коммутаторе обиженный голос Макса.

Лис приподнялся и выплюнул на палубу пару зубов.

«Молния» выставила зеркальные паруса и, ловя трассовые потоки энергии, устремилась в глубь забарьерных просторов.

Глава 6

Потянулись серые и ничем не запоминающиеся дни. По обеим сторонам проносились неведомые города-призраки, отмеченные незнакомыми названиями на карте: «Тюмень», «Омск», «Новосибирск». Когда они подошли к точке под названием «Иркутск», штурман спросил старпома:

– Когда второй переход?

– Тут не в километраже дело, а в набираемой критической массе расстояния. Как только накопим, сами скакнём.

К прорыву Второго Барьера экипаж «Молнии» подошёл более сосредоточенно, нежели в первом случае. Капитан застыл неподвижной скульптурой на мостике, сжимая поручни. Навигатор решил, что пришло время пустить в ход все средства, и достал клетку с мышами. Ориентируясь по еле заметным обертонам их изменяющегося писка, он вёл экспресс через волны аномалий. Все старые схемы пришлось отбросить, так как изменилось само пространство и физические законы, его формирующие. Не раз и не два паровоз кренило сорваться в петлю Брюма, но и тут чутьё не подвело Лиса.

После второго перехода у штурмана в памяти остались странные и не связанные между собой фрагменты. Какие-то бесплотные медузообразные существа с человеческими лицами прилипали снаружи к иллюминатору и махали им своими щупальцами, шевелили губами... В голове пел мощный церковный хор, прерываемый сухими строчками из его биографии... Капитан Немо, сидящий в углу, и мерный, успокаивающий звук его голоса: «Ну, что ты воешь? Погляди на Веронику – смотри, как она мужественно лежит без сознания. Бери пример...».

Пришёл Лис в себя в закутке угольного вагона. Красные слезящиеся глаза, дрожащие руки. В его потрясённый мозг пришла чёткая и ясная мысль – третьего раза он не перенесёт. Проходя мимо топки, он увидел, как углежоры бросили лопаты, схватили одного из своих и силком запихали в раскалённую печь.

Парень поймал за руку проходящего мимо Бориса:

– Боцман... Там у тебя разборки какие-то возле топки. Одного углежора сожгли.

– То-то из трубы дым странный повалил. Не паникуй, бывает. Главное, чтобы уголь в печь непрерывно поступал, остальное нас не должно волновать. Занимайся своими делами – скоро будем тормозить возле Читы, нужны расчёты.

– А что там?

– Знакомый алхимик один, кличка – Лучник. Заправимся углём и ещё кое-чего на борт примем. В общем, сам увидишь. И не раскисай! – Борис со всей силу хлопнул его по спине.

Паровоз остановился возле гигантской кучи бурого угля, на которой возвышалась долговязая фигура в плаще с капюшоном, скрывающим лицо. В руках она держала лук. К наконечникам стрел были примотаны какие-то угрожающие свёртки. Капитан, громыхая сочленениями, поднялся наверх.

– Что, как всегда, настороже? – усмехнулся Немо. – Тут же, кроме нас, никто не ездит?

– Осторожность не повредит, – сухо ответил Лучник. – Привёз?

– Как договаривались, – капитан извлёк из котомки учебник химии за девятый класс.

Лучник осторожно принял книгу, раскрыл её и любовно провёл пальцами по периодической таблице Менделеева. Затем достал из кармана светящийся шарик и кинул Немо.

– Томидий-321, мой новый элемент.

– Мог бы и поосторожнее, – проворчал Немо, – в прошлый раз такой штучкой весь котел раскурочило.

— В этот раз, если по-прежнему руки из задницы растут, исчезнете в милосердной вспышке. — Лучник собрался уходить.

— А чёрный уголь? У меня от бурого углежоры вялые...

— Обойдётся. Тут другого нет.

Когда поезд начал набирать ход, Лис оглянулся назад — алхимик стоял на вершине угольной горы и махал им вслед зажатым в руке луком.

Глава 7

Когда светящийся шарик опустили в котёл, то вода в нём немилосердно взбурлила, а сам он стал накаляться, пока не стал малинового цвета. «Молния» понеслась вперёд, щёлкая астральные скорости, как семечки, вскоре перевалив за девятую. Штурман в панике оглянулся на старпома — побледневшая Вероника закусил губу. Паровоз сначала угрожающе скрипел и раскачивался, а затем принялся разваливаться прямо на ходу.

— Где Немо!? — прокричал он девушке. — Надо срочно эвакуироваться! «Молния» неуправляема!

— Ты не понимаешь, Лис! Это последний, третий Барьер — слишком долго мы шли к этому моменту...

— Как ты не понимаешь — нет никакого Владивостока! Священник был прав — мы катимся в ад!

— Мне без разницы. «Молния» — это я.

Чертыхнувшись, парень полез на крышу и нашёл капитана, стоящего возле смятой трубы и смотрящего вперёд, на зарождающееся сияние.

— Ну что, иеромонах Андрий? — Немо обернулся к навигатору. — Вот мы и у ворот рая. Ты рад?

— Опомнись! Это вечная петля Брюма! Из-за своих амбиций ты тянешь всех на Вечный Путь...

— И что? Как ты не поймёшь — достижение цели тут не главное. Разве бесконечно стремиться к своей мечте не есть лучшая

доля для таких циников, как мы? — капитан сграбастал штурмана в охапку. — В чём дело, хитрый Лис? Неужели природная осторожность затмит твою путеводную звезду?

Красные линзы Немо яростно сверкнули:

— Тогда почему ты не воспользовался передатчиком из своей котомки, зачем спас меня в схватке с церковником?! Во что ты веришь — отвечай?!

— Я уже давно верю только своему чутью и глазам, капитан Никто, — штурман освободился от хватки капитана. — И они говорят мне, что надо убираться.

— Как хочешь. — Немо повернулся к накатывающему сиянию и раскинул руки, обнимая мир. — И да воздастся каждому по вере его!

Небеса разверзлись, явив грозный лик. Ударил колокол, и раскатистый голос громогласно извещал: — Живым — живое, мёртвым — мёртвое!

Капитан окаменел в своей позе.

У паровоза прорезалось женское лицо.

Старик, чертящий уравнения, вдруг прозрел и нашёл значение абсолюта, но мел выпал из его ослабевшей руки, потому что его глаза накрыли тёплые ладони:

— Надежда... Ты ли это?

Лис в ужасе спрыгнул в вагоны и побежал по составу. В одном вагоне, где гуляли странные люди в непривычной форме, его остановил дядя Боря:

— Ты куда? Выпей с нами! — боцман нетрезво махнул рукой. — Это отличные ребята! Говорят, что чехи, домой едут, с войны. Хорошая, душевная компания... Ну, куда ты?

В следующем вагоне сидели серьёзные солдаты со звёздочками на пилотках, а в соседнем — они же, но уже весёлые и в боевых наградах, наяривали на гармошках. Далее были плацкарты, в которых обычные люди в меняющейся от вагона к вагону одежде читали газету «Правда». Затем опять чехи...

Поняв, что из этого замкнутого круга не выбраться, штурман разбил окно и сиганул в ночь.

Очнулся он от болезненной судороги. Лис лежал среди бесцветных и непахнущих зарослей вереска. Однако с каждым новым приступом судороги в мир возвращались краски, запахи и шум. «Молния», отпечатавшаяся в пространстве, медленно таяла над железнодорожным полотном.

Вдруг рядом раздалось смешное сопение, и из кустов показалась мохнатая мордочка.

– Би-бу? Ты как здесь? – прохрипел штурман.

– Моя еда взял. Моя не умрёт голодным, – углежор не без удовольствия явил свой трофей – кусок бурого угля.

– И это меня ещё называли хитрым. Похоже, мы с тобой как те крысы, что бегут с тонущего корабля. Теперь никогда не узнаем, какой он – Владивосток...

– Куда пойдём? – обратил на него свой доверчивый взгляд Би-бу.

– Мы? – навигатор крепко задумался. – Мы пойдём в янтарный город, полный чудес, где правят загадочные лемурийские жрецы. Раньше я не верил в его существовании, но теперь это неважно. Идти придётся долго, но к концу путешествия мы накопим необходимую критическую массу расстояния для скачка.

Би-бу внимательно посмотрел на Лиса, на его сияющие уверенностью глаза и протянул ему свою лапку:

– Да, мой Капитан.

И они отправились по рельсам в сторону заката, в своё бесконечное путешествие на край вселенной, в несуществующее место под названием Калининград...

Демьян

Трах-тибидох

От редакции: *Что лежит в основе древних легенд о птице Феникс, всякий раз возрождающейся из пепла? Герой этого рассказа наглядно демонстрирует один из вариантов. Кто он – маг, безумный изобретатель, космолётчик? А какая разница, а самом-то деле...*

Луч света преодолел расстояние полутора сотен миллионов вёрст через бездны холодного космоса и перистые облака в атмосфере планеты, чтобы упасть на блестящую лысину спящего человека.

– Микола!

– Ммм...

– От ведь леший, опять с вечера набрался... Портяны по всей горнице, штаны на канделябре... А накурил-то – топор втыкай! Микола, сучий потрох, кому сказала, вставай!

Дородная тётка, пышущая решимостью жены и обстоятельностью прислуги, неласково пнула спящего в бок, на что получила очередное мычание. Будильщица, бормоча проклятия, потянулась за метлой.

– Тьфу, Марфа, ядри ты семь деревень, ну чё стряслося? – перехватив веник у самого лба, проворчал Микола.

– Я хто, оракула? С княжьего двора мальчика прислали, може, у светлости колики, а може, встал не с той конешности. Кличуть к себе, а како надобность – мене не докладали, чином не вышла.

– М-м-ф-ф – Лысый мужик сел на полатах, спустив босые ноги на дощатый пол. Луч света ударил в глаз. Микола покривился, почесался, засопел.

— И не проси, — собирая раскиданную одежду, строго сказала Марфа, — на опохмел поимеешь токмо квас.

— Ин вино веритас*, — хрипло возразил мужик.

— Интеллигенти паука, вариетас дилектат** — ответствовала тётка.

— Научил на свою голову, — беззлобно ощерился Микола и щипнул умницу за мягкое место.

Бабий визг, звон затрешины, радостный хохот, непонятная возня — вот и все, что услышал княжий посыльный из-за двери. Не то чтобы он был робкого десятка, но слухи о колдуне ходили всякие, поэтому парень, дабы скрыть зубовой стук, сунул меж ними ремень. В таком нелепом виде и застала его через некоторое время тётка Марфа, вышедшая из колдовского спаленка раскрасневшаяся, оправляющая юбку.

— Садись, княжий глас, за стол, — усмехнулась она, — гляжу, и ты голодный...

Ухватив из печи чугунок, домоправительница ловко перенесла его на божью длань, присовокупила лохани с ложками на двоих едоков, черпаком наполнила деревянные тарели кашей, исходившей аппетитно пахучим парком. Под появление хлеба, солёных огурчиков и лука у посыльного всплыла окаянная мысль: «Иные бегут к княже на зов, лапотки теряя, а колдун крут — тока опосля обеда!» Себя к подобной крутости паренёк не причислял, поэтому, несмотря на скромный утренник, слюна не глоталась.

Микола Селянин явился без должной таинственности, в простонародной расхристанной помятости. Уселся на лавку, заgrabастал со стола ендову с огурцами и долго пил из неё рассол, показывая ходящим по горлу кадыком направление к желудку и аварийный из него выход. Наконец он довольно крякнул, отёр рыжий ус ладонью и воззрился красными щурящимися глазами на паренька.

— Как кличуть? — хрипло поинтересовался он у посыльного.

— Ме-меня? Егоркой, ага, о так от... — выплёвывая жёваную сыромять ремня, отозвался гонец.

— Оч приятно, Микола. Однакось я антиресовалси другим: князь в здраве или удручён? Споро, али так, без спеху надобность?

— А-а, я ж, это — тфф, — развёл руками Егорка, одновременно пожимая плечами.

— Ясно, — кивнул головой колдун, хрустнул выловленным огурцом и меланхолично стал его пережёвывать, уставясь мутным взглядом на стену, где во множестве кучерявились выведенные углем загадочные письмена.

— А ты кушай, сынка, кушай, — пригласила непослушные вихры посыльного сердобольная Марфа. Чтобы уважить тётку, гонец стал ковырять кашу, не спуская глаз с начавшего бормотать колдуна. «Стал быть это, ага... Логарифмус... Вот же, зараза, в сферу Шнельдера не вписываются... А ежели мы маненько знаковость обменяем? А ежели нас расплющит? Не фендипоперно как-то... Похмелиться тож не худо бы». Крутизна колдуна росла в сознании посыльного, как на дрожжах.

— Микола, кончай в цыфири зенки таращить, князь заждалси поди! — огласила застолье суровая домоправительница.

— Ммм, да, пожалуй... — задумчиво кивнул, сверкнув лысиной, Микола — Пожалуй, што от князя польза буде! Айда, малец, под светлы очи!

День выдался погожим. Солнышко светило ласково, отработывая повинность за стоявшее неделю слякотное ненастье, куры квохтали, гуси гоготали, разминавшаяся дружина ладно стучала деревянными мечами, а дворовые девки, наблюдая за голыми по пояс младыми воями, стыдливо перешёптывались и смеялись. Князь Гордей, облокотившись на перила, чистил куском репы зубы и с мрачной миной слушал хриплый кашель, доносившийся из оконца гостевой палаты. Погода, конечно,

*«Истина в вине» (лат.) — авт.

**«Для понимающего достаточно и немногого, разнообразие доставляет удовольствие» (лат.) — авт.

радовала, но огорчали дипломатические проблемы.

Гостевая дверь отворилась, и на галерею вышел из палаты Микола Селянин, придворный колдун. Вслед него, в рясе и остроконечном клобуке, выскочил учёный советник заморского посла, тыкая в колдуна кривым пальцем.

— Энтфернен зие вом фюрстен дез пфердечирюртен!* — выкрикнул он, брызжа слюной.

— Вердамфе вон мейнен ауген…** — злобно парировал колдун.

— Вас?!*** — вытаращил глаза советник.

— Капуста и квас... — проворчал Микола, — Княже, а може без советчиков буйных?

Гордей вскинул бровь — телоохранник вежливо, но напористо оттеснил несколько опешившего советника обратно в светлицу, затворив за ним дверь.

— Чегой-то он? — спросил князь колдуна.

— А, наплюй — сердчает, шо я унирситеты не кончал. И прально отобрал у грамотея барбарейские причиндалы: кровопусканием и пиявками сию хворобу не изгнать.

— Опознал болячку?

— Не без того... — вздохнул колдун, — Княже, мне б чарку, штобы инфузорию не цепануть...

— А-а, эт можно, этого добра навалом... Евхимка, мёду тащи, да позабористее!

Осушив поднесённый полулитровый кубок, местное колдовское светило благостно улыбнулось, огладило бородёнку, воздело перст к небесам и, размеренно покачивая им, стало объяснять светилу государственному свои соображения на ситуацию.

— У посла, стал быть, частится стук сердешный, пятки вспрели и во рту нагадили коты. Ну, про котов — фигурально выражаясь... Об чём сие намекает? От и я подумал, што девки наши — загляденье, мужеское евстество погнало давление в глыбь органона и снесло посольску крышу.

Хотел уж я выписать ему хороший променад, как вдруг — опаньки — а он, посол-то, закашлялся... Э, смекетил я, туточки проблемматикус заковыристее — гриппин с сопутствующим синдромом Туретта.

— Излечимо? — озабоченно спросил князь.

Колдун важно замолчал, воздев очи к перекрытию галереи.

— Не томи, Селянин, сказывай, как есть, но учти — плохую правду не приму, для мирового сообщества большой дарун выйдет, ежели он туточки окочурится — застращают.

— Дело, княже, поправимо, токмо надобно на Ведьмово Торжище наведаца, компаненту сподручного для михстуры отыскать.

— Микола, а в закромах твоих ничё не осталось, травки там какие аль настои? Боязливо как-то к страхолюдинам обращаться в таком ответственном мероприятии — торгуют-то гадостью, да ишо по опупительным ценам — казны не хватит!

— Дык я завсегда могу пургентуума намешать, токмо тады гарантий возврата посла к людскому существованию дать не могу, звыняй. Не скупись, княже, на Торжище склюзивный и какчестный продукт предлагают, надобно токмо знать, чё искать, а скидку требовать буду, не сумлевайся...

Князь проникновенно и с задержкой взгляда посмотрел на колдуна. Тот, если и лукавил, делал это профессионально, с наивной пустотой в глазах. Гордей Батькович вздохнул: даже если бы и уличил он магического лекаря в растрате казённых средств, чтобы смог предъявить в сложившейся ситуации?

— Ладно, скажу Устиму, чтобы сопроводил до Торжища и оказал всяческое содействие от маво имени. Эй, Настёна! Доча, Селянин за раритетами собралси, може, и табе диковину каку приобрести?

Одна из девиц, обсуждающих вопросы лепости дружинников, отозвалась томно-капризным голоском:

*«Не подпускайте к князю коновала!» (нем.) — авт.

**«Испарись с моих глаз...» (нем.) — авт.

***Что?! (нем.) — авт.

— Ох, батюшка, стосковалась я по цветочку аленьку!

Подружки княжьей дочери дружно прыснули, среди дружинников раздались гоготливые смешки. Князь сурово глянул на довольно выглядевшего Селянина.

— Оттаскать бы ты, Микола, за язык — бушь знать, кому балякать сказы сексуального характера. Пшел прочь, и штоб к вечеру посол у меня тут гоголем пел!

Обычные люди на Ведьмово Торжище не ходили по причине полного отсутствия желания быть съеденным, случайно покалеченным, обматерённым или, всего хуже, облапошенным созданиями, именуемыми нечистыми. Что нечистого может быть, к примеру, в русалке или водяном, никто объяснить не потрудился, однако принято так в народе: нечистые — и всё тут. Микола Селянин, однако, к обычным не относился — лез на рожон, пытливо выпытывая у продавцов секреты, отчаянно торгуясь и заглядывая за прилавок всякий раз, когда подозревал возможность скидки. Устим Прокопыч, княжий держатель кошель, по дороге на Торжище напустил на себя важности, пытаясь скрыть тряс поджилок, однако как только колдун пришёл на большую сокровенную поляну в лесу, где велось великое менище, сразу стало не до суеверного страха — держись только за кошель! А и кто ожидал, что будет ещё хуже, чем в ярмарочный день: крики, визги, хрюканье, смех, давка, толкотня, свист свирели, перекрывающий разноголосый гомон... И продавцы, и покупатели разнились друг от друга так сильно, что Прокопыча, непривыкшего к виду спорящих чёрта и размалёванной девицы с козлиной бородой, вначале стошнило, но затем он вспомнил о служебном долге и решил держаться профессиональной невозмутимости — то есть денежной суммы.

— Дядь, дай рупь, дядь, дай рупь, дядь... — К рукаву прицепился облезлый одноглазый кот, с нездоровым блеском в оставшемся

веретёнообразном зрачке — видимо, распознал звериным нюхом башляльщика.

— Брысь!

— Купи трын-траву, увжаемый! Хрраша трравкт! А? — Узловатые пальцы обхватили плечо казначея, пахло конским навозом и мертвечиной. Устим с негодованием обернулся и тут же спрятал негодование обратно — на него пытались смотреть огромные глаза на худом морщинистом лице, а попыткам мешали суровые нитки, которыми веки были пришиты к щекам.

— Хей-хей-хей! А ну, покаж! — пришел на выручку Селянин.

— Мкол? Тыбе нче не дам! — отступил назад зашитый.

— Ха! Не, ты токмо глянь, честной народ, опять гашиш втюхиват! Тьфу, вурдалачье племя! Давай-давай, топай отседа, не то старшине пожалуюсь!

— Индыр, индыр, ч-ч, Салайнин! — Дорогу магу преградило огромное волосатое чудище, от прелой шерсти которого поднимался вонючий дух — Айдын колброт?

— Гыга, ч-ч, Мрва! — приветливо откликнулся Микола и повертел загадочно в воздухе пятернёй — Айдын уйтун херрва!

— Пфф, — угрюмо отозвалось чудище и освободило дорогу. (авт. перевод: «Всех благ, Селянин! Человека продаёшь?» «Тех же благ, Мерва! Продаю ему впечатления!» «А, ну-ну...» (трольск.))

— Об чем обчались? — поинтересовался княжий казначей у колдуна.

— Пожрать хотел, горемыка, а хде трактир, не ведал, — отмахнулся Микола и тут же восторженно завопил, — Ай, кузяво! Дай денежку, Устимка, ох-тыж-блинку поду куплю!

Микола напористо двигался по торжку, бранясь, смеясь, громко разговаривая со встречными на дюжине незнакомых языков и скупая всевозможные вещички, показавшиеся ему особо «кузявыми». Его заплечная котомка постепенно распиралась от различных всякостей, а кошель казначея тощал, однако Устим, трезво рассудив, о со-

ставе чудодейственной микстуры решил не спрашивать, строча в уме для князя липовый отчёт. Так, на всякий случай – может, колдун мысли читал...

Пройдя торговые ряды насквозь, колдун предложил финансовому человеку сделать привал возле приветливо распахнувшего двери трактира, с кружечкой пивка и жменью калёных орешков. Тот радостно согласился, но радости Устима не суждено было исполниться: такая уж выпала доля, что колдун углядел за трактиром, в самом дальнем конце поляны, вывеску «Иван Гнезан – особости». Селянин наострил нос, как пся, взяв след, и ломанулся по направлению к выдавшей виды матерчатой палатке, возле которой восседал на кресле-качалке невозмутимого вида человек, посадывающий трубочку на длинном чубуке.

– Чё надо?

– Надобность.

– Об чём?

– Э-э, об изначальном...

– А скелько грошей имеешь?

– А чо, душевные люди не сойдутся ли?

– Ох, хитрован ты, Микола!

– А хто б и говорил, Ванятя!

Торговец и колдун радостно пожали друг другу руки, а Устим понял, что с деньгами он с поганого базара не уйдёт.

Результатом встречи двух «хитрованов» послужила нестарая ещё кобыла, запряжённая в уже старую телегу, которые, скрипя и фырча, везли в людское городище странного вида каменюгу треугольной со всех сторон формы. Колдун по всем признакам был счастлив приобретением: широко улыбался, потирал ладони, хихикал, ласково гладил булыжник и приговаривал: «Надыж, бенбен, ох ты ж, лысые матрёшки, бенбен!» Устим же был угрюм – князь за растрату бил больно, кулак у него был тяжёлый.

– Ну, и хде ентот лихоимец! А?

Когда красный закатный диск светила коснулся верхушек деревьев затаившегося

тишиной вечернего леса, Гордей во всем великолепии княжеской нетерпимости собственлично явился на колдовское подворье. Телохранники, как это принято, сопровождали его, но можно сказать, что явился князь к колдуну по-простому, в одиночестве, без свиты. К худу, к добру ли такой личный визит был, Марфа рассуждать не стала, поэтому сразу бухнулась на колени, не утруждаясь низким поклоном.

– Хорош, тётка, челом пыль с тракта обтирать, сказывай, хде учёность лысая!?

На фоне оттопыренного женского крестца обозначился кулак вывернутой назад руки, а из кулака торчал перст, указующий на дверь избы. Князь ту дверку открыл с ноги.

Колдун Микола пребывал в обширной горнице, а разум его – незнамо где. Посреди помещения стоял стол, на столе высился треугольный камень, его поверхность, а также стены, пол и даже изразцы на печи покрывали угольные узоры письмен таинственного содержания. Селянин вид имел растрёпанный, отстранённый, но возбуждённый, глаза его сверкали нездоровым блеском, а рыжая борода топорщилась в разные стороны. «Цигнатура в квандрате... и... косвинус дихфунции... а, траехтория-то крутая, но временной двих комбенсьируват искажения поля... хотя... Уфф, зар-р-раза...» – бормотал колдун. Князь, на секунду сбитый с толку увиденным, вспомнил, зачем явился.

– Ага! – рявкнул он.

– Ага! – поднял палец, испачканный в угольной саже, колдун, стёр несколько символов рукавом рубахи и написал вместо них новые.

– Не, ну видал я обуревающих, но не такмо, не до тако жирности! Селянин!!! – заорал князь и грохнул по полу подкованным каблуком сапога. Колдун вздрогнул, обернулся, и в глазах его начало проявляться понимание того, кто к нему заглянул в гости.

– Ох ты ж, светлость! А как же ж?...

— Эт ты мене спрашиват, змий? Пошто в растрату вгоняешь, балаборь? Хде обещанна михстура для посла?!!

— Ох ты ж, память — три дыры! — хлопнул себя по лбу колдун, и на блестящей поверхности лысины нарисовалась угольным следом пятерня. — А усё готовенько, княже, усе в лучшем виде... Да што тама, лучше лучшева — настояна! А я щаз, упакуват надобно...

Колдун кинулся в комнатку за дверью с накарябанной надписью «Лаблатория» и зазвенел склянками. Там, в таинственном вертепе, маг подскочил к прибору, известному у людей просвещённых в алхимии под наименованием «возгонный куб», притушил огонь, закрутил краник и зачерпнул ковшиком из стоявшей под краником лохани мутноватой жидкости. Понюхал, покривился, крикнул. Быстро отыскал в развале посуды стеклянную полуведёрную бутылъ, нацепил на горлышко огромную воронку и перелил в раструб содержимое ковшика. Пока белёсая муть струйкой ввинчивалась в узкое горлышко, он добавил в неё ложку мёда, собственный плевок и обильно посыпал молотым чёрным перцем. Чихнул, закупорил горлышко морковкой, встряхнул бутылъ, перемешивая смесь. Затем вздохнул, протёр стеклянный сосуд рубашкой и торжественно вышел в горницу.

— От, княже, михстура от гриппина, самой ядерной выделки, за какчество ответведу. Слухай теперя рюцепт.

— Чаво?

— Како сие зелье употреблять надобно. Кличешь мальцов поздоровше, тащишь посла в растопленну баньку. И паришь его, паришь... Немчура к бане не привыкший, верещать станет, но надобно довести его до кондиции потери орьентации. А затема, вытащив за мякетки на свежа воздух, дать дышать. Недолго, маненько. Кады он полну грудь воздуха наполнит, от тады и вливай енту михстуру, с полбутыли приемлема. Энергий в боляшем проснетси, но мальцы держать его должны, покамест он кашле-

вать обильно буде. А потома завертайте пацента крепенько в овчину и покладайте дрыхнуть до утрего на топлёну печь. Како солнце над ёлками вскоче, тако хворобы и следа не буде. Посол — огурцом, и само главно — для тебе на усё согласный.

— Во, даже! — вскинул бровь князь. Затем, привычно посверлив наивные глаза колдуна взглядом, спросил. — А чо не сам врачуешь?

Колдун вздохнул:

— Дык... эта... княже, тут тако дело... Открылося мене, што откинуся я вскорости. Ага. На другой, стал быть, свет.

— Ну!

— Макошью клянуса, шоб зенки лопнули!

Князь помолчал, с неудобства момента потряхивая микстурной бутылъю.

— Эта... Ты эта... Как же мы без табе...

— Княже, а приглядиися к Марфе — она баба сурьёзная, с пониманием дела, от мене ей кой-чаво перепало. А я... Пора, зажилси я тута, тот свет зовёт.

Князь неожиданно крепко обнял колдуна.

— Дядька Микола, ведаю, ошибаесси редко. Но как же ж, не стар ишо! Ох, скучать буду!

— А ничо, Гордей, ничо, — шмыгнул носом Селянин, — путем усё... Ну, давай, бывай, бусурманам спуску не кажи, честь блюди да справедливость. Иди, княже, лечи сваво посла.

Князь ещё мгновение постоял в объятиях, затем споро вышел из горницы. Микола Селянин вытер мокрый нос рукавом, смахнул набежавшую слезу, а затем подошёл к столу с камнем и вновь стал бормотать что-то заумное себе под нос, рассматривая углем писанные каракули.

Антибликовое покрытие монитора расплывчатыми пятнами отражало горевшую на столе лампу и лицо сидевшего рядом с ней в кресле хозяина кабинета. Михаила Степановича Кобзаря, полномочного

представителя президента, это отражение начинало раздражать, особенно после того, как он увидел, что монитор показывал.

Комната, обитая моющей тканью светло-зелёной расцветки, под которой бурилась мягкая прокладка. Привинченная к полу металлическая мебель, лишённая острых углов, в количестве одной кровати и одного большого стола. На кровати лежал ортопедический матрас без простыни, а стол был завален различным хламом, собранным постояльцем комнаты на устроенной во дворе института свалке, которую сотрудники называли отчего-то Ведьмовым Торжищем. На полу, между предметами мебели, сидел сам постоялец и что-то мастерил из хлама. Человек был лыс, бородат, одет в мешковатые брюки и рубаху белого цвета, а из широко распахнутого ворота виднелась татуировка на груди и прилепленные поверх неё датчики медицинской телеметрии.

Михаил Степанович тронул джойстик, и кадр укрупнился: слезящиеся глаза, потерянный блуждающий взгляд, губы, с которых срываются беспрестанное бормотание и струйка тягучей слюны. Прибавив громкость, представитель президента услышал плохо различимые повторяемые речитативом слова: «Бенбен, у-у, ёлы-палы, бенбен, трах-тибидох, у-у, бенбен, трах-тибидох...» Хрип, протяжный, долгий, а затем вновь речитатив — как заезженная граммофонная пластинка.

На Михаила Степановича неожиданно накатила тошнота, и он судорожно сглотнул. Представитель по правам человека, работая в комиссии, насмотрелся всякого, да и до того, во «Врачах без границ», многое повидал, однако сейчас дурнота предательски напомнила ему первый опыт медпрактики. Тошнота отвращения. Не от больного, а от окружающей обстановки и людей вокруг.

Рука дрогнула, и вид из камеры заскользил вниз, показывая наколку на груди «постояльца»: расправивший крылья сокол,

под ним надпись «Финист». Вид продолжал смещаться, и в кадр попали трясущиеся руки, пытающиеся мастерить какой-то жуткий мяч. Сердцевиной кубла являлся угловатый камень с неровной ноздреватой поверхностью, а к нему крепились проволоки, жестяные обрезки, пластмассовые детальки детской игрушки, фрагмент электронной платы... «Трах-тибидох, бенбен, ёлы-палы...»

Хозяин кабинета закурил, и в отражении появилось новое яркое пятно. Михаил Степанович оторвал взгляд от монитора и открыл папку, которую до этого держал во второй руке.

— Лаборатория Николая Селянинова. Вам не кажется, профессор, что это цинично как-то, — сказал он, проглядывая записи в бумагах.

— Ну, всё лучше, чем безликий номер, — ответил сидевший за столом Виктор Сергеевич Гордеев и выпустил к потолку струйку дыма — Или вы думаете, что лаборатория должна носить имя руководителя? Так я лицо засекреченное, ещё с советских времен. А объект... Кто его знает под именем Николай Селянинов? Финист...

— Объект находится на исследовании у вас уже около десяти лет. Полиморфное психическое расстройство было свойственно ему ещё в самом начале вашей работы, однако попыток лечения не применялось. Вы же, Гордеев, не только учёный, но и врач.

— Шутить изволите? — хмыкнул Виктор Сергеевич — Это всё равно, что пытаться починить неисправную рацию, которая неожиданно стала принимать сигналы инопланетян!

— Да, но пичкать объект ноотропными препаратами и психодислепсиками! — Кобзарь поднял глаза на профессора и потряс бумажками из папки — Это же всё равно, что тушить пожар керосином! Я вообще удивляюсь, как его психика окончательно не дислексировала! Вы же должны понимать, какое разрушительное воз-

действие они оказывают, да ещё в таких количествах! Я представляю, какой уровень интоксикации у пациента: для него каждое утро — как после пьянки! Вместо того чтобы бороться с галлюциногенным бредом, вы ещё больше вгоняете его сознание в сумрачное состояние. А если ценность объекта велика, то...

— Не суйтесь не в своё дело, господин чиновник — Профессор, стукнув ладонью по столу, прервал гневную тираду проверяющего — От меня требуют результат, я этот результат предоставляю. У нас всё под контролем.

— Вы, Гордеев, бесчеловечная скотина. Мой дед, когда освобождал в Польше фашистские концлагеря, видел результаты подобных экспериментов. Я пойду к президенту и, клянусь, подниму вопрос о гуманности ваших исследований, а затем...

— А не пошли бы на х** с вашим чи-стоплюйством! — Гордеев резко затушил сигарету в пепельнице и встал из-за стола — У меня тоже дед воевал и вовсе не для того, чтобы страну развалили держиморды вроде вас, рассуждающие о гуманности, свободе, демократии и разворовывающие всё подряд. Не с представителями ли премьеры вы сегодня приехали, чтобы вылечить какого-то породистого бунда, дед которого стрелял в вашего деда? О человечестве вы, видите ли, обеспокоились, о морали... Я забочусь о человечестве! Вот!

Гордеев махнул рукой в сторону книжного шкафа, набитого канцелярскими папками.

— Всё это — прорывы в науке. В биологии, инженерии, медицине, физике, химии. Этот бубнящий что-то маловразумительное и гадающий под себя слюнявый идиот выдаёт на-гора такие идеи, что работать с ними институтам всего мира не одно десятилетие. Где плавает в это время его сознание, мне безразлично, потому что парень как будто бы с другой планеты, из другого измерения — мыслит другими категориями. Быть может, то, что он масте-

рит в данный момент, — это термоядерный реактор, а может... Боже! Чёрт!

У Гордеева, показывающего рукой на монитор, расширились зрачки. Михаил Степанович обернулся и увидел, что взятая крупным планом поделка объекта ожила. Камень раскалился, вдоль проволок стали проскакивать дуги электрических разрядов, светодиод на электронной плате принялся мигать с увеличивающейся частотой. «Бенбен, ёлы-палы, трах-тибидох», — бормотание Селянинова становилось всё громче и громче.

А затем — вспышка. Яркая, мощная, пожирающая. Взрыв потряс весь институт, бросив Кобзаря и Гордеева на пол кабинета.

Если вы служите на любой космической станции, тем более научной, то наслушаетесь анекдотов разной степени правдоподобности вволю. Но о данной истории палубный инженер Ларуш Говера любил говорить, что вымысла в ней нет ни капли, хотя верится в это с трудом, так что, если бы он лично не присутствовал на причальной палубе 17-А, не увидел бы всё своими глазами, то не поверил бы.

Героя конфликта десятилетней давности с сиринами, руководителя научного подразделения «Финист» Ника Селяйни знали многие. Он, как-никак, спас станцию, его голографический портрет висел в Аллее Героев.

Объединённый флот Содружества заканчивал масштабную наступательную операцию по уничтожению крупных сириинских войсковых групп, нанося одновременные удары в нескольких планетных системах. Вслед за военными по горячим следам шли учёные, пытающиеся разобраться в сириинском вооружении, инженерии космических кораблей чужих. Возле Сириуса Б, где сириинский флот был разбит наголову, расположилась научная станция «Финист», а военные учёные начинали зачистку и исследования обломков флота. Откуда вынырнул недобитый сириинский крей-

сер — до сих пор неизвестно. Вероятно, он двигался в составе уничтоженной группы, но в пути отстал и теперь шёл по пеленгу. Станция, оставшаяся без прикрытия, была беззащитна, а рассеянный москитный флот с учёными не успевал собраться в ударную группу для отражения угрозы. И тогда Ник Селяйни, катер которого был ближе всех к крейсеру, пошёл на таран.

И у людей, и у сиринов есть оружие последнего удара. Конечно, просто направив маленький катер в двигательный отсек крейсера, Селяйни не добился бы существенного результата, но, включив реактор в режим активного распада, Ник превратил своё судёнышко в ядерный брандер. У сиринов же было вероятностное оружие — выворачивающее наизнанку время и пространство, плетущее в новый узор причинно-следственные связи. Оно применялось исключительно редко, потому что никто не знал, что происходит с теми, кто попал в радиус поражения. За пару секунд до столкновения и взрыва реактора сиринов всё же его применили — терять им, скорее всего, было нечего. И крейсер, и катер Ника просто исчезли из реальности.

И вот, спустя десять лет, дежуривший палубный инженер «Финиста» стал свидетелем необычного, ставшего впоследствии легендарным явления.

Ларуша Говера оторвал от починки сервопривода сигнал тревоги. «Внимание, всем службам стороны «А», приближение неопознанного объекта!» — противным голосом скрежетал селектор. Говер обернулся к распахнутым причальным створкам, за которыми серебрилось россыпью звёзд космическое пространство. Станционные орудия уже начали заградительный огонь, росчерки выстрелов прочерчивали тёмную бездну. Не обращая на выстрелы внимания,

прямо на причальную палубу нёсся огромный огненный метеор. Он стремительно приближался к Говеру, и инженер замер, одновременно заворожённый зрелищем и ожидающий смертельного удара. Секунда — и огненный шар распался, а на палубу упал не кто иной, как Ник Селяйни собственной персоной.

— А, ёлы-палы, ну и поездочка! — воскликнул герой — Бенбен, это что-то! Фуф, скорость и траектории, конечно, круты. А, ха-ха, трах-тибидох, мать вашу!

Авторская справка.

Современные египтологи предполагают, что в основе древнеегипетских верований в загробное существование лежит легенда об огненной птице Феникс и рождении её из яйца, камня Бенбен. Учёные предполагают, что камень Бенбен — это железный метеорит, расплавившийся в конусообразную форму, а птица Феникс, или Бенну по-египетски, — это огненный хвост от падения. Современная наука, правда, никак не объясняет, что значит «возрождение из пепла», однако достоверно известно, что в городе жрецов Анну, называемым древними греками Гелиополем, существовал храм Феникса, где стоял обелиск — колонна Атума с расположенным на верхушке конусообразным Бенбеном. Сооруженные позднее пирамиды по сути являются более продвинутой версией колонны Атума — на вершине каждой из них располагался камень Бенбен. В наши дни можно встретить множество обелисков, повторяющих колону Атума. Пожалуй, наиболее знаменитый расположен в Вашингтоне. Эти обелиски показывают полёт возродённой души к двойной звезде Сириус или символизируют бессмертность духа.

Татьяна Россоньери

Во имя бессмертия

Я устал от дорог, устал быть один, как дрозд под дождём. Устал от того, что никогда ни с кем мне не разделить компанию и не сказать, куда и зачем мы идём.

Стивен Кинг «Зелёная миля»

От редакции: *Шизофрения? Обман? Или за невероятными откровениями действительно скрывается правда – пусть не вся, но хоть часть её? Не так-то просто отделить одно от другого даже профессионалам из психиатрической клиники...*

— Мужчина, белый, возраст около сорока лет, называет себя Джоном Смитом. — Доктор Альфред усмехнулся, передавая Линде карту пациента. — Его задержали в сентябре за попытку ограбления — с сигнализацией не справился, бедолага. Документов на момент поступления в клинику не имел, отпечатки пальцев в базе данных отсутствуют. Возможно, он нелегальный эмигрант, но он так жарко поддерживает эту теорию, что впору засомневаться в её истинности.

— У него есть акцент?

— Да, хотя по-английски он говорит очень чисто. Но с этим есть некоторые сложности. Впрочем, не имеет значения, американец он или приезжий. Наша задача — понять, действительно ли он болен или же просто пудрит нам мозги.

— Вы хотите сказать, что за три месяца...

— За два с половиной. — Доктор усиленно делал вид, что замечание Линды его не задело, но уж что-что, а уязвлённое самолюбие она улавливала безошибочно. — Пациент очень умён и легко втирается в доверие. Мы все наслышаны о ваших

профессиональных заслугах и очень рады, что вы согласились выступить в качестве рефери в нашем непростом деле, но при выборе кандидатуры мы не в последнюю очередь руководствовались степенью осведомлённости специалиста.

— Вам чертовски повезло, что я ничего не слышала о вашем непростом деле, — снисходительно улыбнулась Линда. Доктор Альфред нравился ей всё меньше и меньше.

В лифте Линда с интересом разглядела фотографию человека, называвшего себя Джоном Смитом. Ростом не более ста семидесяти сантиметров, узколицый, светловолосый, худой и немного сутулый, он напоминал клерка, сменившего в выходной день деловой костюм на легкий полосатый свитер и джинсы. В глазах его сверкали озорные искры — было видно, что несколько секунд назад он во весь рот улыбался, но копы, не разделявшие его радости перед полицейской фотокамерой, приказали изобразить на лице что-нибудь посерьёзнее.

— Вы держите его в одиночке? — спросила Линда, когда они вышли из лифта и прошли через комнату отдыха, где собрались на предобеденный моцион пациенты. — Его сочли опасным?

— Я уже говорил, что он легко втирается в доверие. К пациентам — особенно. Они наслушались его бреда и начали превозносить его почище Мессии. Мы опасались последствий.

«Скорее, потеряли контроль над ситуацией», — вздохнула про себя Линда. Они дошли до конца коридора и остановились у безликой белой двери с зарешёченным окошком.

— На него надели ремни, так что вам ничего не грозит. Я не жду от вас вердикта после первого осмотра, но если вам покажется, что...

Не дослушав стандартную формулу, Линда толкнула дверь и оказалась в небольшой квадратной комнате с белыми стенами и высоким потолком. Яркие флуоресцентные лампы, пришедшие на смену

угасающему зимнему дню, как-то уж очень ярко освещали спартанскую обстановку комнаты-камеры — кровать с железной решётчатой спинкой, стул, стоящий посередине комнаты, и стол у дальней стены, на котором не было ничего, кроме перекидного календаря.

— Добрый день, мистер Смит, — поприветствовала Линда сидящего на кровати мужчину. — Я доктор Гамильтон, из Вашингтона.

— Округ Колумбия. — Пациент улыбнулся, не разжимая губ. — Я был там когда-то. Наверное, уже снег лежит, не то что здесь?

— Эта зима очень тёплая. — Линда присела на посетительский стул. — Вы бывали в Вашингтоне? Когда?

— Давно. — Смит усмехнулся уголком рта. — Вас ещё не было на свете.

Линда многозначительно кашлянула, но не стала скрывать улыбки. Летом ей минуло пятьдесят два года, Смит же никак не могло быть более сорока пяти.

— Будем считать, что это комплимент. Итак, Джон Смит. Это ваше настоящее имя?

— Смотря что вы имеете в виду под словом «настоящее», — пожал плечами пациент.

— Это имя дали вам при рождении?

— Сомневаюсь, что при рождении мне дали какое-нибудь имя. В любом случае, рассказать об этом было некому, так что пришлось позаботиться о себе самому.

По-английски Смит и вправду говорил безупречно, но не как американец. Некоторые звуки как будто наткнулись на невидимую преграду и приобретали жёсткость, свойственную германским языкам центральной Европы. «Германия? Австрия? Швейцария?» — сделала Линда пометки в блокноте. Ей предстояло проверить это, как только она получит запись беседы.

— Вы сирота?

— Родителей я не помню, так что, наверное, да, сирота.

— Где вы родились?

— Точно не скажу, но предполагаю, что на планете Земля.

«Спасибо хоть, что не на Марсе», — улыбнулась про себя Линда.

— Сколько вам лет?

— Семь тысяч пятьсот девятнадцать, — улыбнулся пациент, откидываясь на спинку кровати. — Если верить иудейской Библии.

Линда внимательно посмотрела на него, оценивая ситуацию. Беспечная поза (настолько, насколько позволяли кожаные ремни на запястьях) и лёгкая улыбка выдавали человека, приготовившегося наслаждаться эффектом, который произведёт его откровение. «Нет уж, такого удовольствия я тебе не доставлю, — подумала Линда, механически кивая в улыбающееся лицо пациента. — Зрителей с тебя уже достаточно».

— Вы были первым человеком в Раю? Господь создал вас из глины...

— ...а жену — из моего ребра. — Улыбка Смита стала шире и как будто непринуждённое. — Оставим область мифологии. Всё это так же возможно, как и невозможно. Да и ребра у меня все на месте.

Похоже, поведение и слова Линды доставляли ему удовольствие.

— Значит, вы не помните, где и когда родились?

— Увы, память не бесконечна. Происходит слишком много событий, чтобы они воспроизводились одинаково живо. Человек обычно неплохо помнит то, что происходило с ним в последние три-четыре года, а вот события десятилетней давности, если они не произвели тогда особого впечатления, всплывают уже с трудом.

«Хорошо выкручивается, — уважительно отметила Линда. — Посмотрим, где картина его мира даст трещину».

— Вы ведь понимаете, что ваша долгая жизнь не совсем обычное явление?

— О, безусловно.

— У вас есть какое-то объяснение этому феномену?

— Я как-то по-особому питаюсь энергией Земли и Солнца. Они поддерживают в благоприятном состоянии моё тело и преобразуются в импульсы, которые можно материализовать вовне.

— Каким образом?

— Вылечить человека. Помочь быстрее зажить ушибу, срастись кости. Иногда даже вернуть жизнь, если сердце... Но вы, кажется, меня не слушаете.

— Нет, отчего же? — Продолжая сохранять на лице серьёзность, Линда оторвалась от блокнота, в котором для вида записывала последнюю фразу Смита. — А сломанный ноготь? Вы сможете его поправить?

— А вы осмелитесь протянуть мне руку?

В глазах пациента мелькнул странный огонёк, и Линда почувствовала, как по плечам побежали мурашки. Но не прошло и секунды, как неприятное ощущение отпустило, а Смит вновь принял благодушный вид.

— Не надо героизма. Во-первых, мне понадобился бы обломок ногтя, а вы вряд ли принесли его в кармане. А во-вторых, я при всём желании не могу помочь вам с маникюром в стенах клиники.

— Почему же? — Линда вдруг поймала себя на том, что машинально потирает тыльную сторону ладони, которую уже готова была протянуть Смиту. — Нехватка энергии Солнца и Земли?

— Ваш ноготь может поднять много шума. Пока мной интересуются только две инстанции, но если я начну представлять научный интерес... Это несколько противоречит моим планам. На данный момент пристанище меня вполне устраивает. Здесь куда комфортнее, чем в тюрьме или в научной лаборатории. Да и сбежать отсюда будет гораздо проще.

«Симулянт ты или душевнобольной, но ума тебе явно не занимать», — с чем-то похожим на уважение подумала Линда. «Нелёгкое дело» доктора Альфреда обещало быть интересным.

— Значит, вас изучали?

— Без малого десять лет. И могу вам сказать, что это было одно из самых ужасных десятилетий в моей жизни.

Обведя в кружок «Швейцарию», Линда мысленно похвалила себя и поднялась со стула.

— Что ж, спасибо за беседу, мистер Смит, она была для меня очень познавательна.

— Уже уходите? — насмешливо спросил пациент, приподнимая брови. — Пяти-минутного разговора нынче достаточно, чтобы сделать заключение о состоянии больного?

— О нет, мы с вами ещё встретимся. Пока же мне надо подумать над тем, что вы мне рассказали. Не каждый день встречаешься с божьим чудом.

Мальчик идёт впереди меня, громко шмыгает носом. Шаг его неровный, он то и дело отступает, дважды чуть не упал.

— Ну, пошёл! — крикнул Саныч, явно жалея, что ему выпало замыкать шествие и он не может ткнуть мальчика дулом в спину. — Вань, отвесь ему с ноги! А то ползёт, как слизняк... Сука.

Мальчик что-то бубнит себе под нос и едва слышно стонет, с трудом сдерживая рыдания. Вспомнилось залитое слезами лицо Буревестника, вышедшего из барака, — что-то невнятное шептали его губы, густые усы колыхались и дрожали, делая писателя похожим на кита. Таким же неровным шагом дошёл он до коляски и, забравшись в неё, махнул рукой: «Трогай!» Коляска поехала в сторону дома начальника лагеря, а дети уже хлынули в барак, галдя наперебой:

«А про комариков?..»

«А как с лестницы спихивают?»

«А о ночёвках в снегу?..»

«Всё рассказал, братцы», — то и дело слышался усталый ответ, и в этом юном голосе было столько чувства собственного достоинства, что стало даже немного завидно.

Саныч глядел вслед коляске, плотно сжав губы. Сплюнув, чертыхнулся, с ненавистью посмотрел на копошащихся в бараке мальчишек:

«Глаз с него не спускать. С-сучонок...»

И теперь он стоит у задней стены барака — худой, оборванный пацан, чёрт знает какими судьбами занесённый в соловецкую Детколонию, — стоит и воет, захлёбывается соплями, покачивается, судорожно дышит, сжимает кулаки.

— Что, страшно помирать? — Саныч сплюнул жёлтую слюну и злорадно осклабился. — В штаны нассал? Гадёныш! Я б ты дважды расстрелял, сука! Ружья!

Я поднял винтовку, приложил её к плечу.

— Цельсь!

Прости, парень.

— Огонь!

Три выстрела грохнули, как один, заглушив плач мальчишки — и оборвав его. Он дважды вздохнул, пытаясь вобрать воздух пробитыми лёгкими, упал на колени и, всхлипнув, ткнулся лицом в траву.

— Совсем обнаглели, твари. — Саныч подошёл к трупу и несколько раз пнул его ногой под рёбра. — Стучать вздумал! На хлеб всех, на неделю! И только гад какой пикнет!

— Приберёшь? — тихо спросил меня Серёга. Голубоглазый, веснушчатый. Лет на пять старше расстрелянного мальчишки, а мысли все о вчерашнем проигрыше в «орлянку». Соловки — остров контрастов.

— Иди, — кивнул я вслед Санычу, твёрдой походкой огибающему барак, над которым все ещё реет растяжка: «Нашему другу Алексею Максимычу ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ».

Оставшись один, убрал за плечо винтовку, подошёл к мальчику. Под скрюченным тельцем быстро растекается красная лужа. Едва заметно трепещут на ветру грязные волосы. Ещё не поздно. Есть ещё как минимум полторы минуты.

Я подхватил его на руки и, закинув на плечо, понёс к яме. Легко бьёт по спине

безвольная детская рука. Не боялся он смерти, не от страха плакал. Плакал он, потому что идеалы погибли, то, во что верил, сокрушилось. Уехал Буревестник, и не подумал помочь. Воспевать он приехал, а не хулить. Всплакнёт потихоньку да увековечит мальчишку в одном из своих романов, наделит его внешностью какого-нибудь бродяжку — и чиста совесть*. А народ и имени его не узнает. Да и я скоро забуду.

Бережно опускаю мальчишку в яму, от которой уже смердит, — четыре дня как первого скинули, завтра закопаем. Висок ещё тёплый, хотя минуту как должен был остыть. Как будто издеваясь, держится жизнь, просит: «Помоги!» Но что я могу сделать на голом острове? Ни спрятать его, ни кормить, ни бежать помочь не смогу. Это Буревестник мог, а я-то? Разве что Санычу удовольствие второй раз расстрелять доставлю.

— Прости, парень, — шепчу я, прикрывая застывшие глаза, устремлённые в белое июньское небо.

— Снимите с него ремни, — сказала Линда санитарам, подойдя к комнате Смита.

— Должен вас предупредить, что сегодня он спокоен, — сообщил доктор Альфред. — Ночью пришлось ввести ему успокоительное.

— Кошмары?

— Или новый способ привлечь внимание.

Линда отмахнулась и вошла в комнату.

— Очень любезно с вашей стороны, — раздался глухой голос пациента. — Надо думать, сегодня вы принесли обломок ногтя.

Судя по всему, поспать ему не довелось: под глазами залегли тени, лицо осунулось, да и голос звучал как-то иначе.

*Широко известна история о том, как Максим Горький во время поездки на Соловки встретил мальчика, который не побоялся рассказать писателю о зверствах в Детколони. Горький вышел из барака в слезах, но не обмолвился о произошедшем ни начальнику лагеря, ни позже в публицистике. В день отплытия писателя мальчика расстреляли. Его имя осталось неизвестным.

Историю о мальчике подробно рассказывает А.И. Солженицын в книге «Архипелаг ГУЛАГ».

— Вы нездоровы?

— Пустяки, — улыбнулся Смит уголком рта. — Так, хандрю немного. Некоторые воспоминания не доставляют особого удовольствия.

— Расскажите?

— Не приведи Господь. Поговорим о чём-нибудь более приятном.

Внезапно Линда поняла, что подразумевал доктор Альфред под сложностями с акцентом. Если вчера Смит говорил как уроженец немецкой земли, то сегодня его речь приобрела иное звучание: сохранив резкость и топорность, она стала неожиданно мелодичнее за счёт мягких согласных, не свойственных германским языкам. «Полиглот или хороший пародист? — Линда пометила в блокноте факт широких лингвистических знаний пациента. — И если первое — на скольких языках он говорит?»

— Хорошо, мистер Смит. У вас есть семья? Жена, дети?

— Не в этом веке. Я не испытываю потребности в женщине уже лет пятьсот, а мой последний сын умер в двадцатых годах четырнадцатого века.

— И как вы это можете объяснить?

— Старею, — улыбнулся он, насмешливо подмигнув Линде. — Да и надоело, знаете ли. Не самое большое удовольствие — знать, что твои жена и дети обречены, а ты, закопав их в землю, не придумаешь ничего лучше, чем создать новую семью, которую вскоре так же закопаешь в землю.

«Потерял близких», — записала Линда. Это могло стать хорошей зацепкой.

— Они умирали своей смертью или...

— По-разному бывало. Некоторых я покидал, когда неизменность моего внешнего вида становилась предметом толков и сплетен соседей. Две женщины дожили со мной до глубокой старости. Одна покончила с собой, когда я открыл ей правду. Последняя погибла в расцвете лет. Из-за меня.

Карандаш несколько раз обвёл слово «потерял» и замер. Линда пыталась распознать в голосе пациента боль и муку, вы-

званные чувством вины, но слышала лишь усталость невыспавшегося человека.

– Расскажите, как это случилось?

Смит оценивающе посмотрел на нее, словно прикидывая, стоит ли игра свеч.

– Её схватила инквизиция. В Испании это, знаете ли, было нормально – подозревать в колдовстве всех и каждого, а если ты дочь знахарки, а муж твой на досуге исцеляет прокажённых, у тебя немного шансов избежать костра.

И хотя голос его так и не дрогнул, Линда снова почувствовала, как её сковывает изнутри мертвенный холод. Его равнодушный и повседневный тон нагонял куда больше страху, чем привычные спектакли со слезами и истериками.

– А это исцеление – как оно происходит? Вы просто кладёте на человека руки, и он...

– Увы, всё очень непросто, – прервал её Смит, отвернувшись к зарешёченному окну. – Это безумно...

...больно. Кажется, что всё тело пронзают раскалённые иглы. Нечто похожее пришлось испытать в подземельях Гаруна аль-Рашида, когда металл загоняли под ногти, но на этот раз во сто крат хуже. Как могло принести такую боль это юное создание, только начинающее жить?

Девушка глубоко вздохнула и открыла глаза. Несколько мгновений смотрела на меня непонимающим взглядом, а затем тихо вскрикнула и прижала руки к разорванному лифу платья.

– Беги, – махнул я рукой, не отдавая себе отчёта, в ту ли сторону. – Предупреди своих. Это была разведка, завтра их будет в сто раз больше. Пусть вам пришлют помощь из Вокулёра.

– Что произошло? – прошептала девушка, перебирая в пальцах окровавленные лохмотья. – Я упала... И лошади... Это были англичане?

– Нет. – Язык словно порос волосами и еле ворочается, так что сам с трудом разбираю, что говорю. – Французы.

– Но как же?..

– Это война. Здесь нет своих и чужих, здесь каждый сам за себя. Беги в Домреми, возьми троих мужчин, и скачите во весь опор в Вокулёр. Вы ещё можете спасти деревню.

В её голубых глазах снова появились слёзы.

– Что они со мной сделали?

– Ничего.

– Но я помню... Лошади... Я упала, а они окружили... И так больно...

Нет, девочка, ты не знаешь, что такое боль. Боль – это когда глаза лопаются и текут по обгоревшим щекам. Это когда кровь в жилах закипает, а в горле словно кол застрял, дым и пепел заменяют воздух, и ты горишь, словно факел, ты уже мертва, но все ещё чувствуешь... Тебе только предстоит это узнать.

– С тобой всё в порядке. – С трудом поднявшись на ноги, помогаю ей встать. – Они не причинили тебе вреда. Господь сохранил твою невинность.

Её испуганное лицо перемазано землёй и кровью. Грязный чепчик съехал на бок и открывает взору рыжевато-бронзовые волосы. Вот она, передо мной – девушка, которая станет легендой. Спасительница Франции, Дева-воительница. Я только что помог свершиться воле Всевышнего – я обрёл её на страшную гибель во имя бессмертия.

– Как вас зовут? – тихо спросила она, благодарно пожимая мои ладони.

– Жан, – с трудом улыбнулся я.

– Как и меня. – В заплаканных глазах светится восхищение и благоговение. – Благодарю вас, Жан.

– Храни тебя Бог, Жанна.

– Вы путешествуете согласно какому-то плану?

– Как правило, нет. Иногда меня озаряет, и я спешу через полмира в какой-нибудь богом забытый уголок Земли, но это случается не так уж и часто. Смерть и болезни есть везде.

— И вы помогаете всем?

— Что вы, доктор. Вы представить не можете, сколько людей страдает в эту минуту в радиусе одного километра.

— То есть вы сами выбираете, кому жить, а кому умирать?

— Как и любой врач. Есть случаи благоприятные, есть безнадежные. Хотя иногда я просто закрываю глаза и жду, какая рука коснется меня первой.

В этот день его речь была тороплива, как у южанина, а легкое грассирование навело мысли о бескрайних виноградниках Шампани. Линда разослала запросы во все европейские клиники, но ни одного похожего случая в последние годы зафиксировано не было.

— Как по-вашему, зачем всё это? Ваше существование — случайность или закономерность?

— Мне кажется, это своего рода попытка сохранить равновесие. Мне приходилось слышать о таких, как я, но встретить так ни разу и не довелось. Я думаю, это тоже часть плана.

— Что вы имеете в виду?

Смит улыбнулся и покачал головой.

Было в его глазах что-то умиротворяющее и одновременно тоскливое, так что у Линды то и дело сжималось сердце. Она никак не могла понять, что именно чувствует по отношению к этому пациенту. В тени его уверенности и логичности она чувствовала себя как никогда спокойно и, как ни смешно это звучит, защищенно. Спустя пять дней поиски прорех в его рассказах превратились в захватывающее путешествие по неведомым мирам, которые представляли перед ней как наяву. Она не могла верить ему, но не могла и прийти к какому-то определенному решению — симулянт он или шизофреник. Да и кто сказал, что одно исключает другое?

— Если не дадут сбой магнитные поля и Солнце с прежней силой будет освещать космические просторы, я не умру своей смертью. Но для смерти насильственной я уязвим так же, как вы или доктор Аль-

фред. Меня можно зарезать кухонным ножом, утопить в озере, расплющить колесами грузовика. Вы не представляете, насколько ужасно бесчисленные годы странствовать в одиночестве, но будь рядом со мной человек, обладающий теми же особенностями, — окончу ли я когда-нибудь свой путь? А он? Мы не дадим друг другу уйти из жизни, и тогда равновесие может нарушиться. И бог знает, к каким последствиям это может привести.

— Вы боитесь смерти? — еле слышно прошептала Линда.

— Больше всего на свете, — так же тихо ответил Смит, сцепив пальцы в замок. — Потому что знаю, что ждет меня по ту сторону.

— Учитель? Осанна, он дышит!

Свод пещеры едва освещен мерцающими огнями. Чья-то рука лежит на моем плече. Слышится лай собак.

— Что? — Я попытался приподняться, но тело от ладоней до ступней пронзила дикая боль. — Иоанн? Пётр? Вам позволили снять меня с креста?

— Мы выкрали тебя из гробницы. — Губы Иоанна сильно трясутся, по щекам катятся слёзы. — Выкрали вчера, а сегодня...

Пытаюсь перевести дыхание, но дышать становится всё тяжелее. Кажется, я понял, что произошло.

— Сколько я был мёртв?

— Два дня, учитель.

— Мы вышли за хворостом, а когда пришли — он уже был здесь, — шепчет мне в ухо Иоанн, суетливо поглаживая по плечу. — Сидел над тобой и держал тебя за руки. Я крикнул, чтобы он оставил тебя, но он не пошевелился. Тогда Пётр схватил камень...

— Где он? — в ужасе прошептал я, боясь услышать страшное.

— Он ушёл, — покачал головой Пётр. — Я хотел удержать его, но ты пошевелился, и мы бросились к тебе, а он...

Превозмогая боль, от которой ноет и рассыпается тело, держась за плечи

учеников, я наконец поднялся. Ноги трясутся и отказываются стать ровно. По ладоням потекла кровь, воскрешая в памяти крест... верёвки... гвозди...

— Что ты делаешь?

— Я должен найти его.

— Тебе нельзя выходить! Солдаты Кайафы рыщут по всем окрестностям! Он приказал вернуть твоё тело, а если они увидят, что ты жив... Они не побоятся! Они уже убили Лазаря!

— Я должен... — Сжав зубы, ковыляю вперёд. Ещё несколько шагов — и я хватаюсь за выступающий камень. В непроглядной тьме, тишину которой нарушает лишь лай собак, теплится одинокий огонёк, быстро удаляющийся от пещеры. — Надо задержать... Остановить...

Но я не могу позвать его. Щурясь в темноту, впиваясь пальцами в камень, я могу лишь кусать в отчаянье губы, потому что не знаю даже его имени.

Линда укладывала вещи. Самолёт в Вашингтон вылетал через четыре часа, и хотя ей не терпелось вернуться домой, сердце не отпускало щемящее чувство тоски, которое преследовало её с той минуты, как она попрощалась с Джоном Смитом. С этим же чувством сделала она вчера заключение относительно состояния пациента:

— Этот человек болен. Верит он в то, что говорит, или нет — ему требуется серьёзная психиатрическая помощь. Несомненно, на его долю выпало много невзгод, и наш долг — сделать всё, чтобы помочь ему вернуться в общество.

Доктор Альфред был вне себя от ярости.

— Этот прохвост провёл вас, как медсестричку! Ваш диагноз надуман до предела, и половины симптомов не проявляется! Его место в тюрьме, а не в клинике!

Но Линда знала, что выбрала правильное решение. Если Джон Смит и выйдет из тюрьмы, его психика будет изувечена

навсегда. Да и кто знает? — вдруг и вправду есть в этом человеке...

Зазвонил телефон.

— Вам звонит доктор Герхард из Цюриха, — сообщил секретарь с ресепшена.

Линда почувствовала, как всё внутри напряглось и вытянулось в струнку. Неужели они нашли его?

— Доктор Гамильтон? — зазвучал в трубке мужской голос с сильным немецким акцентом. — Я доктор Герхард из клиники «Кильхберг». Вы оставляли запрос, связанный с установлением личности вашего пациента. Прошу прощения, что не ответил раньше, у меня была долгосрочная командировка, а большая часть персонала не в курсе того, что здесь произошло десять лет назад.

— Что произошло?

— Жуткая история, доктор. Если я не ошибаюсь, этот парень, ваш пациент — наш доктор Йохан Шмидт. У него была жена и сын — прелестный мальчуган, сейчас, должно быть, уже колледж закончил. Жена его откуда-то с юга — то ли испанка, то ли португалка. Привязалась к одному больному — как сейчас помню, он всё о вечной жизни говорил, мол, он секрет знает или что-то в этом роде. А потом возьми да спали всё восточное крыло, да и её заодно. Ну, у Йохана на этой почве и пошло... Запил, наркотики... Медикаменты воровал... В суд на него не подавали, но от работы отстранили, родительских прав лишили, а потом и сам он сгинул куда-то. Годы, конечно, штука серьёзная, но мне кажется, что...

— Пришлите мне факс, — деревянным голосом выговорила Линда и, бросив трубку, быстро набрала номер доктора Альфреда. — Это Линда Гамильтон. Мне нужно ещё раз увидеть Джона Смита. Похоже, что я...

— Боюсь, это невозможно, доктор Гамильтон, — устало и язвительно прервала её трубка. — Этой ночью мистер Смит сбежал.

Как прислать рассказ

Для ваших рассказов существует специальный почтовый адрес story@mirf.ru. Присылайте свои произведения в формате .DOC или .RTF приложением к письму. Не забудьте указать в письме имя автора, контактные данные (как минимум – адрес электронной почты) и пометку «можно публиковать на диске».

Каждый месяц лучшие рассказы публикуются в «Литературном приложении «МФ», а автор рассказа номера награждается призами от редакции.

Над выпуском работали

Татьяна Луговская
литературный редактор и корректор

Сергей Серебрянский
технический редактор

Сергей Ковалёв
дизайн и вёрстка

Сборник составлен по результатам конкурса
портала «Литкреатив» (www.litkreativ.ru).